

Тартуский университет
Отделение семиотики

Марк Люттер

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ СЕМАНТИКА БАЗОВЫХ ЛЕКСЕМ
ЯЗЫКОВ МАЙЯ-КИЧЕ ДОКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА (НА
МАТЕРИАЛЕ «ДРЕЗДЕНСКОГО КОДЕКСА И «ПОПОЛЬ-ВУХА»)

Магистерская работа

Научный руководитель: Ирина Аврамец

Тарту

2015

Olen magistr töö kirjutanud iseseisvalt. Kõigile töös kasutatud teiste autorite töödele, põhimõtteliste seisukohtadele ning muudest allikaist pärinevatele andmetele on viidatud.

Autor: Mark Lütter.....

(allkiri)

.....25.05.2015.....

(kuupäev)

,

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. ИСТОРИОГРАФИЯ.....	10
1.1. Результаты моих предыдущих работ, посвященных теме исследования.....	10
1.2. Лингвистическая характеристика языка и основные исследования семьи языков майя-киче.....	12
1.3. Основные лингвистические данные по письменности майя классического (древнего) периода.....	18
1.4. Хронологическая классификация языков майя, предложенная Кнорозовым.....	21
2. ЗНАЧИМОСТЬ ОБЪЕКТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В АРХАИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ РОЛЬ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК.....	25
2.0. Объекты материальной культуры.....	25
2.1. Анализ культурной значимости календарных артефактов в ритуальных практиках классических майя, на примере археологических исследований.....	29
2.2. Функции подобных предметов в культуре носителей языка майя-киче.....	30
2.3. Ценность вербальных текстов в контексте исследования.....	31
3. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ.....	33
3.0. Принципы анализа.....	33
3.1. Слова, образованные корневой морфемой <i>haa</i>	35
3.3. Слова, образованные корневой морфемой <i>can</i>	38
3.3. Слова, образованные корневой морфемой <i>kik</i>	41
3.4. Слова, образованные корневой морфемой <i>tz(s)</i>	44
3.5. Слова, образованные корневой морфемой <i>cha</i>	48
3.6. Синтаксически связанные лексемы (фиксированные словосочетания).....	52
4. СЛОВАРЬ ДОМИНАНТНЫХ ЛЕКСЕМ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ПРОСТРАНСТВЕННО ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕКСТАХ МАЙЯ ДОКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА.....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	57
БИБЛИОГРАФИЯ.....	59
RESÜMEE.....	62
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	64

ВВЕДЕНИЕ

Данная исследовательская работа посвящена сравнительному изучению семантики пространственно-временных лексем языков майя-киче доколониального периода. Целью данного исследования является вычленение из лексикона языков майя-киче тех «языковых концептов»(Вежбицкая 2001: 33) пространственно-временной лексики, которые, несмотря на графические и морфологические изменения или замену одного слова на слово из другого языка, в области значения оставались доминантными в мифопоэтических представлениях и являлись базовыми для культуры майя с древнейших времен до начала колониальной эпохи. Основной особенностью (выявленной нашими предшественниками и разрабатываемой нами в настоящей работе), характеризующей этот аспект, является очевидное различие в лексиконе, который используется в различного рода источниках, дошедших до нашего времени. С одной стороны, такими источниками являются надписи на археологических находках, а с другой — это базовые тексты культуры майя: «Пополь-Вух» и «Дрезденский Кодекс». При всей наглядности таких различий, мы уверены в том, что установить критерии «базовости» того или иного значения, проследить смысловые девиации, или же установить связь с категориями времени-пространства можно только используя формальные методы исследования.

Выбор темы магистерской работы обусловлен тем, что, несмотря на возросшее количество работ и исследований по майянистике, посвященных разысканиям в области архаичного языка майя-киче, проблематика, связанная с описанием

семантики языка древнего периода (времени образования и роста городов-государств на полуострове Юкатан), по-прежнему остается малоизученной. В частности, особого внимания заслуживает аспект, выраженный в исключительном многообразии и преимущественном несовпадении неделимых единиц повествования (мотивов (Веселовский 1989: 305) в «Дрезденской рукописи» с мотивами, формирующими сюжет эпоса «Пополь-Вух».

На разных этапах формирования общих научных представлений о древнейшей культуре майя специалисты, включая исследователей в области лингвокультурологии, антропологии и эпиграфики майя, не единожды обращались к проблемам описания дешифровки, интерпретации, эпиграфики и иконографии (последние две – дисциплины в данном случае, а не объект изучения) древнейших надписей, символов, функций сверхъестественных образов в древнейшей мифопоэтической системе майя. Данная проблематика раскрывается в трудах Ю.В. Кнорозова, С. Морли, Э. Томпсона, Т. Проскуряковой, Л. Шийл, Д. Стюарта, Д. Тедлок, Н. Грубе, М. Ко, М. Эдмондсона, Д. Робертсона, А. Кристенсона. Кроме того, в наших предыдущих работах («Происхождение календаря Мезоамерики /*Mesoameerika kalendri päritolu*»; «Символика календарных надписей на стелах майя Копана /*Maiade kalendri pealdiste sümbolika Copani steelidel*»; «Семиотика календаря майя классического периода /*Klassikalise perioodi majade kalendri semiootika*») мы неоднократно затрагивали вопросы семантики «Пополь-Вух» и «Дрезденского кодекса», а также исследовали сакральную символику с выраженным пространственно-временным аспектом на стелах и скульптурных артефактах города Копан. В ходе сопоставительного анализа лексем мы будем неоднократно обращаться к данным этих исследований.

Актуальность темы исследования выражена в подходе к базовым лексемам в текстах как к концептуальным языковым элементам (которые связаны преимущественно с пространственно-временными характеристиками), имеющим сложную структуру интертекстуальных взаимосвязей, а также, как мы предполагаем, состоящую в глубинном смысловом параллелизме с древним языком майя. Сообразно с этим, научная новизна заключается в подходе к сопоставительному лексикологическому анализу данных, поскольку в данной работе мы начинаем

составление толкового словаря, обобщающего данные по пространственно-временной семантике древнего языка в существующих словарях майя-киче, организуя его отправные точки по принципам составления списка Сводеша. Такой подход позволит выявить в семантической структуре обоих текстов категории, выражающие с помощью базовых лексем определенные пространственно-временные аспекты, — категории, на основе которых возможно сравнить соотношение культурной значимости семантических составляющих в разных категориальных аппаратах текстов-источников.

Таким образом, объектом настоящего исследования являются единицы лексики с пространственно-временной семантикой, присутствующие в мифопоэтике языковой семьи майя-киче.

Предметом анализа является, во-первых, сопоставительное изучение семантической структуры ряда связанных лексем в книге-эпосе «Пополь-Вух», выражающих мотив сотворения мира, от акта творения в начале повествования до воцарения космического миропорядка в результате действий героев-близнецов включительно; во-вторых, изучение лексических значений, имеющих в тексте «Дрезденского кодекса», который является сборником астрологических предсказаний, сконцентрированных на регламенте ритуалов, связанных с проведением полевых работ, в том числе для сравнения и сопоставления этих данных мы будем привлекать данные по археологии классического периода майя, в течении которого, как мы считаем, фрагментарно, были зафиксированы наиболее древние мифопоэтические образы. Наряду с этим, фиксация исторической хронологии этапов естественного фонетического развития тех или иных лексем не входит в цели исследования. Данная проблема нуждается, на наш взгляд, в более обширном исследовании, проведению которого в значительной мере будут способствовать и результаты данной работы.

Основным материалом исследования являются: фразеологический словарь старого языка майя, составленный Ю. В. Кнорозовым; двуязычные словари майя-киче с версиями переводов на различные европейские языки; результаты интерпретации источников различными переводчиками «Пополь-Вуха» и «Дрезденского кодекса»; переводы текстов «Пополь-Вух» и «Дрезденского

кодекса» на английский, немецкий, испанский и русский языки; публикации Л. Шийл и исследовательского центра FAMSI* с детальными прорисовками и результатами дешифровки эпиграфики классических майя, данные по иконографии майя классического периода.

Цель данного исследования обозначить круг значений языковых единиц, связанных с семантикой слов, выражений и оборотов речи, которые отражают пространственно-временные характеристики, а именно:

- составление перечня смысловых вариантов слов, зависящих от контекста, в котором оно употребляется в конкретном тексте;
- определение типологических характеристик темпоральных аспектов в базовых/доминантных лексемах календарной символики;
- составление лингвокультурологического словаря лексем, образованного по принципу их взаимосвязей и смежности (собственно семантики);
- сопоставление семантики пространственно-временных лексем современных языков майя-киче с значениями подобных лексем в древней мифопоэтической традиции;
- выявление структурных семантических закономерностей, дающих возможность рассмотреть аспект зависимости становления правил функционирования календарных систем от использования доминантных лексем в текстах доколониального периода.

В числе прочего, мы предполагаем, что рассмотрение особенностей семантической структуры указанных базовых текстов расширит дальнейшие возможности в теоретическом осмыслении противоречивости обнаруживаемых в них мифопоэтических данных. В области практического применения итоговый словарь базовых лексем может быть использован, например, как дополнительный справочный материал для спецкурса по пространственно-временной семантике

древнего языка семьи майя-киче и других народов Мезоамерики.

Обращаясь к методологии исследования механизмов образования мифопоэтических представлений, мы видим наиболее оправданным применить метод, описанный Моррисом Сводешом, включающий, описание макроструктуры базовой лексики; но так как мы описываем только лишь базовую лексику, то метод составления списка мы будем использовать для формального выявления базовых концептов отраженных в наиболее древней, доступной в источниках лексике (и описывать значения-семы данной лексики в категориях семантических отношений, на основании семасиологического подхода к изучению слов). Применение данного подхода мы полагаем целесообразным, опираясь на положения В. А. Плунгяна о том, что исследуемый объект представляет собой узкий набор значений-сем. Так, Плунгян пишет, что действительно, в областях лексики с относительно дискретной структурой — таких, как названия ритуальных объектов, глаголы движения, термины родства и цветообозначений, — возникают определенные семантические приращения (засчет выбора ограниченного набора взаимоисключающих компонентов) и формируется особая грамматическая категория, включающая значения-семы, которые образуют очень ограниченное множество (Плунгян: 48). Возможно, к этой категории мы можем отнести и ограниченный набор лексем, связанных с обозначениями пространственно-временных характеристик в мифопоэтическом пространстве эпоса «Пополь-Вух» и списка предсказаний «Дрезденский кодекс».

Нам представляются актуальными методы, в которых верификация содержания предусматривает позицию исследователя как внешнего наблюдателя, а не носителя языка, что отвечает условиям проведения исследования. В достижении этой цели нам помогает как школа лингвокультурологии Ю. Степанова, которая описывает константы культуры в диахроническом аспекте и осуществляет процесс верификации их содержания с помощью текстов различных эпох, так и другая школа Н.Д. Арутюновой, которая исследует универсальные термины культуры, содержащиеся в текстах разных времен и народов. В качестве вспомогательных методик мы будем использовать методы лингвокультурологического комментария и элементы статистического анализа.

Достоверность результатов исследования верифицируется с помощью результатов как современных, так и классических работ майянистов, наряду с комплексным применением методов формального анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

- Изучаемые лексемы характеризуются многоуровневой семантической структурой, содержание которой сводится к определенному небольшому количеству значений.
- В словарно-семантической структуре эпоса «Пополь-вух» и манускрипта «Дрезденский кодекс» есть сходства и различия, изучая которые можно определить базовый состав лексики наиболее древних мифопоэтических форм лексики.
- Эти тексты близки и ведут происхождение от мифопоэтики, бытовавшей в древнейшую, ольмекскую эпоху (см. Прил. 11).
- Мы предполагаем, что есть зависимость правил функционирования календарных систем от использования доминантных лексем в текстах.

В качестве приложений используются: прорисовки Линды Шийл и материалы портала FAMSI; Список Сводеша (см.: Прил 13), для современной базовой лексики языков киче, кекчи, цолиль, мам, юкатек, дополненный нами базовой лексикой из словаря «старого языка» Юрия Кнорозова, словаря иероглифической письменности Викрота Талаха, а также примерами из употреблений базовой лексики в текстах «Дрезденского кодекса» и «Пополь-Вух»; составленный нами словарь базовых лексем с контекстуально выраженными пространственно-временными характеристиками. Используя англоязычные аналоги стержневых лексем в листе Сводеша, мы ориентируемся на данное составление семантики лексики русского и английского языков. (Kassian, Starostin, Dybo, Chernov 2010: 46–89)

1. ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. Результаты моих предыдущих работ, посвященных теме исследования

В силу региональных особенностей исторического процесса, календарные практики майя никогда не складывались в единую и общепринятую систему представлений. Даже беглое изучение артефактов культуры майя, дает представление о том, что, «мозаичность» и неоднородность форм отправления календарного ритуала сложилась в результате пересечения представителей разных этносов и языковых групп. Несмотря на это кажущееся «многоголосие», позднейшие символизации всегда восходят к начальным праформам, развитие которых характеризуется едиными предпосылками. Наши предыдущие работы сосредоточены на поиске изучения и описании аспектов, связанных с данными предпосылками. В первой работе (Происхождение календарей Мезоамерики), мы изучили ход развития календарных представлений палеолита (Мустьерская культура, Сибирь, Египет, Индия), в сопоставлении с мезоамериканскими данными и календарными системами древности. Так, мы можем предполагать, что переселение, происшедшее во времена верхнего палеолита (20-30 тыс. лет назад), осуществили люди, обладавшие определенными способами счисления времени. Наряду с этим фактом, по до сих пор не до конца изученным причинам, лунный календарь, преобладающий в культуре и мифологии народов Евразии, в структуре майяского календаря занимает очень незначительное место. Возможно, вытеснение лунного календаря из майяских календарных практик, связано с составлением первых форм солнечного календаря на

ранних стадиях земледелия. Косвенным доказательством этому служит изначальное разделение календарного года на благоприятный и неблагоприятный циклы для сельскохозяйственных работ. Предположительно, подобное разделение послужило предпосылкой для дальнейшего выделения «мистического цикла» — календаря «Цолькин» (счет, порядок дней), разделенного регулярными обрядами на периоды, ритуально связанные с образом огня. Возможно, до отделения «мистического цикла» и солнечный цикл делился на подобные «периоды». Фактически же, после того, как между мистическими циклами перестали существовать временные промежутки, подобные обряды стали носить регулярный характер на протяжении всего солнечного года.

Феномен рационализации представлений о цикличной природе времени, ярче всего выражен в установке своеобразных временных стел-маркеров, которые стали объектом исследования в нашей следующей, семинарской, работе «Символика календарных надписей на стелах Копана». Наряду с тем, что характерные особенности и признаки этих объектов детально описаны исследователями, большая часть информации остается не систематизированной. Мы подошли к решению этой проблемы, через выстраивание многоуровневой классификационной системы данных о стелах, начиная от простых аспектов (таких, как физические параметры) и заканчивая весьма сложными: такими, как обоснованная классификация по функциям, символическим соответствиям и закономерностям применения. Помимо составления классифицированного и типологизированного *описания* символики стел, в заключительной части работы, мы отметили основные аспекты ритуальной символики в семантической структуре стел, такие как: а) множественность близких по смыслу значений (характеризуется примерами обобщенных значений, выраженных посредством символики ритуального облачения; б) объединение — сведение по аналогии или ассоциации разнородных значений; в) конденсация — множество идей и взаимодействий мотивов представляются одновременно символическими средствами. К этому признаку семантической организации стелы относятся, как символы сами по себе, объединенные множеством символических средств (текст, дата, скульптурное изображение); д) поляризация — знаковые средства, предназначенные для одного символа, стремятся сгруппироваться на противоположных семантических полюсах.

Эти данные легли в основу бакалаврской работы «Семиотика календаря майя классического периода», в которой мы описали значения, взаимоотношения и функции элементов семиотического аппарата календарной системы майя. Анализ свойств и отношений символики *имени, крови и веревки*, мы осуществили посредством детального рассмотрения пространственно-временных оппозиций в фольклорных мотивах и мифологических сюжетах «Дрезденской рукописи» и «Пополь-Вух». В ходе последующего изучения семантики мы выдвинули предположение о том, что основным предметом, определяющим все последующие варианты вышеперечисленных трех компонентов, является образ Млечного Пути. Этот мотив прослеживается на всех уровнях этих трех компонентов, которые в свою очередь являются фокусирующим элементом, порождающим весь широкий диапазон последующих символизаций. Эти символизации, в свою очередь, играют решающую роль в **разграничении** бытового поведения на сакральное и профанное, определяют нормы и уклад общества. Это предположение мы проверяем в ходе данной работы через рассмотрение основных элементов лексического уровня базовой семантики доминантных календарных символов в культуре майя.

1.2. Лингвистическая характеристика языка и основные исследования семьи языков майя-киче.

Обобщенно принято называть индейцами майя свыше двух миллионов носителей языков семейства майя-киче, это крупная языковая семья разделяется на две основные ветви (некоторые исследователи выделяют языки кекчи в отдельную группу), майя и киче, которые в свою очередь образуют следующие четыре группы: майя (майя юкатекский с говорами ица, икаиче, сантакрус, мало отличающимися друг от друга, диалекты мопан и лакандон; чоль с диалектами чонталь, говорами чольти и чорти, чоль-лакандон, акала, токегуа и манче), чаньябаль (цельталь, или цендаль с диалектами цоциль и келене, или чамула, чаньябаль, или тохолабаль, и чух), мотосинтлекская (хокальтекский, мотосинтлекский, канхобаль с говором солоmek) и стоящая особняком хуастекская (хуастекский с говорами потоси и

веракрус, чикомукельтекский) (Ершова 1990: 278-279; Кнорозов 1963: 3). В вопросе классификации групп языков киче у Кнорозова и его ученицы Галины Ершовой данные различаются, Кнорозов включает языки мам в группу киче, в то время как Ершова выделяет их в отдельную группу, что соответствует и данным современных исследований (Nordoff:2013). По данным статьи Галины Ершовой в лингвистическом энциклопедическом словаре языки киче делятся на 3 группы: мам (мам, агуатекский с говором койотин, ишиль с говором такана), киче (киче с диалектами какчикель, цутухиль, успантек и с говорами такиаль, таканек, тутуана, тупанкаль), кекчи (кекчи с говорами тлатиман, поком с диалектами покомам и покомчи), там же приводятся и основные лингвистические характеристики современных языков майя-киче, на которые мы опираемся в ходе исследования (доступны онлайн), эти современные данные мы в дальнейшем соотносим с данными Юрия Кнорозова по реконструкции старого языка майя и с данными нового словаря иероглифической письменности за авторством Виктора Талаха. Так как, языки майя-киче представляют из себя одну семью, нам представляется оправданным метод составления сравнительного списка этих языков по способу, разработанному Моррисом Сводешом, который, как известно, отталкивался в составлении своего списка «стержневой лексики» от факта родства языков индоевропейской языковой семьи. Так же, как и в других языковых семьях, в языковой семье майя-киче многие слова в процессе хода истории имели другие значения, которые частично сохранились, а частично исчезли. Проследив следствия этих изменений через определение первоначальных значений-сем, в том числе и в ранних текстах на уже вымерших языках данной семьи (например, языка иероглифической письменности — чоль), мы сможем приблизиться к пониманию первоначальных значений слов, которые на данный момент не сохранились.

Для того, чтобы приступить к работе с текстами, надо разобрать язык написания этих текстов, это легче всего будет сделать, проследив историю их исследования. Как это широко известно, изучение языка майя-киче во многом опиралось на данные письменных источников, тем не менее, изучение разговорного языка этнических групп Юкатана, которые мы условно объединяем в названии «язык майя-киче», предшествовало работе с текстами.

История изучения языков Юкатана ведет свое начало с конца первой половины 16-го века, когда, по инициативе францисканских монахов, на «латинской» территории полуострова в Кампече, была создана первая школа для обучения кастильскому языку детей местной знати. Местный язык францисканцы называли «язык майя», что является примером антономасии, так как миссионеры присвоили это название только лишь одному из ряда родственных языков – юкатекскому, впервые это название упоминает инициатор идеи основания школы, автор первой грамматики, а позднее – словаря, Луис де Вильяльпандо (15?) (Niederene (Trier): 88). Эта грамматика не публиковалась, как и остальные юкатекские грамматики и словари того времени, но существовала в виде манускрипта и впоследствии была основательно доработана вторым епископом Юкатана Диего де Ланда, а также в виде манускрипта легла в основу грамматики Хуана Коронеля (Juan Coronel) и Габриэля де сан Буэнавентуры, и дошедшего до современных исследователей в составе грамматики отца Белтрана (1746) (Norman: 241).

Мы не случайно начали с описания истоков возникновения первых грамматик, так как уже на этом этапе становится понятно, что эти «протограмматики» содержали описание отдельных представителей группы юкатекских языков, распространенных на не очень обширной местности. Так, уже лексикон утерянного словаря, составленного Вильяльпандо, был составлен из элементов нескольких приведенных ниже словарей-манускриптов (Bolles 2003: 1).

- 1) Vocabulario de Maya Than / Viena (Spanish-Maya), c. 1570's; author unknown, original missing, extant copy dated c. 1730's.
- 2) Calepino Maya de Motul (Maya-Spanish), c. 1580-1614; Fr. Antonio de Ciudad Real.
- 3), 4), 5) Solana / Diccionario de Motul II (Spanish-Maya) / San Francisco Dictionary (Spanish-Maya); attributed to Fr. Alonso de Solana (died in 1600 or 1601); attributed date, 1580.
- 6) San Francisco Dictionary (Maya-Spanish) (date and author unknown).
- 7) Diccionario de Ticul (Spanish-Maya), 1690; author unknown (там же).

Существенным для целей данного исследования будет обратить внимание на словарь из Мотуля, так как он является основой для многих последующих вариантов словаря. Именно словарь из Мотуля попал в Руки Брассера де Бурбура и явился основой для последующих исследований языка (Raxton 2001: 206), на него же опирался в составлении старого языка майя и Юрий Кнорозов. Ученый также подчеркивает, что в текстах источников есть значительные расхождения в лексике, которые мы подчеркнули во введении относятся к разным периодам истории майя, так, Кнорозов пишет:

Настоящий краткий словарь составлен на основе словаря из Мотуля и текстов майя. Следует, однако, заметить, что лексика текстов книг Чилам-Балам», словаря из Мотуля и ранних грамматик существенно расходятся. В текстах майя встречается много слов, отсутствующих в словарях (что вызывает большие трудности при переводе), а словарь из Мотуля составлен применительно к разговорному языку XVI в. (для нужд миссионеров), как и грамматика. Равным образом, в текстах майя колониального периода (следующих старой литературной традиции) сохранилось много грамматических форм, не зарегистрированных для разговорного языка в миссионерских словарях и грамматиках (Кнорозов 1963: 158).

По поводу указанных Кнорозовым расхождений американский лингвист Дэвид Боллс пишет, что лексика книг Чилам-Билам была лучше отражена в первом словаре из списка (*Vocabulario de Maya Than / Viena (Spanish-Maya)*), который, в свою очередь, был основой для словаря из Мотуля и является родственным ему (Bolles 2003: 6). В нашем исследовании, включающем в числе прочего составление словаря пространственно-временных лексем, мы используем несколько словарей, но в силу принадлежности к самым древним зафиксированным формам слов, основой послужит словарь старого языка майя авторства Юрия Кнорозова. Этот словарь потребуется нам для того чтобы очертить круг слов, связанных по смыслу с предполагаемыми нами базовыми пространственно-временными характеристиками. На словарь Юрия Кнорозова мы будем опираться при составлении списка по методике Сводеша, так как в нем, по утверждению ученого представлены лексемы из на данный момент не существующей письменности майя. Письменность майя, в свою очередь, была представлена на диалектах «чольти» и «черти» (также, фрагментарно, присутствующая в современном юкатекском языке), множество примеров из которого приведены в самом новом издании языка иероглифической письменности, за авторством Виктора Талаха. В то же время, так как в словаре

Телаха нет данных или же, как в случае с Кнорозовым, предположений относительно периодизации тех или иных слов, мы будем использовать его в качестве дополнительного, справочного словаря. Также в составлении списка мы будем опираться на текст «Пополь-Вух», написанный на языке киче, и Дрезденский Кодекс, написанном языке, лексикон которого наиболее близок к текстам классической эпохи. Так как тексты носят принципиально разный характер повествования, но оперируют схожими образами и символами, мы видим практический смысл в их сравнении, это позволит нам формально разграничить смыслы, привнесенные народами киче, от смыслов, которые они заимствовали у майя, в культурный ареал которых они попали в сравнительно позднюю историческую эпоху (11 в.).

В то же время, стоит отметить, что мы составляем не сам список Сводеша в его конечной форме, а список по методике Сводеша, так как законченный список подразумевает фиксацию самых общеупотребительных форм лексики рассматриваемого языка, что без разрешения проблем, связанных с полисемией (что является одной из целей данной работы) и синонимией значений (а это главные проблемы в составлении списка Сводеша относительно любого языка), на данном этапе исследования старого языка майя не представляется возможным (см. Прил 13).

Исходя из этого тезиса, стоит подробнее рассмотреть аспекты культуры киче, и характер влияния на нее культур, населявших Юкатан до прихода племен киче. О такой позиции по отношению к характеру культуры и языка киче на момент колонизации мы можем говорить лишь условно, так как ее исследования опирались на источники, ставшие известными многим позднее исследования<izuchenija?> языка групп, населявших Юкатан. Это основывается на том факте, что усилия монахов-францисканцев были сконцентрированы вокруг изучения языка регионов Мариды и Кампече, то есть полуострова Юкатан и, соответственно, языка майя, носители языка же языка киче проживали, как и в наши дни, на расстоянии около тысячи километров на юго-запад, на территориях современной Гватемалы и части Гондураса. И хотя среди исследователей нет единой позиции относительно истории доклассических центров Гватемалы, таких как Исапа, все новоприбывшие народы (в этом исследователи единогласны) проникали на территорию языковой семьи майя-

киче с севера. С одной стороны, этот факт подтверждают исследования развития мильпового земледелия в Мезоамерике: так, развившись в центральной Мексике (Штат Оахака), культура подсечно-огневого земледелия и выращивания маиса продвигалась на север, к будущему Тиутеуакану, и на юго-восток, в область современных Юкатана и Гватемалы (Grube 2012: 71). В то же время, хотя ученые расходятся во мнении относительно прародин киче, соглашаясь при этом с ключевым для нашей темы аспектом разности культур киче и майя: с одной стороны, исследователи утверждают, что киче – это родственные племенам ица группы, которые в десятом веке проникли в Гватемалу с территории современного штата Табаско, прародин протомайянской цивилизации Ольмекков (подр. В следующей подглаве), с другой стороны, знаменитый немецкий майянист Николаем Грубе полагает, что у киче могли быть корни, связанные с доклассическим населением гватемальских нагорий, в частности, с доклассической цивилизацией Исапы, носившей выраженные черты ольмекского влияния. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что культура киче была, так же, как и язык, долгое время связана с основными центрами развития классической и доклассической культуры и сосуществовавшей ей мифологии, что подтверждается и данными археологии, так как сюжеты и персонажи из эпоса майя киче «Пополь Вух» встречаются во многих городах-государствах майя, располагающихся далеко за пределами территории расселения киче. Существует также мнение, что киче, которые на данный момент проживают на территории нагорий, изначально были носителями культуры и языка равнинных майя, что подтверждается столь обширным спектром культурных заимствований. По некоторым версиям расселение киче носило завоевательный характер и сформировало от лесов Петена до берегов Тихого Океана милитаристское государство завоевателей-киче, которые вскоре освоили язык и традиции коренных жителей нагорий, в результате сохранив от языков равнинных Майя и Нахуа только слова, связанные и с военными, политическими и теологическими концептами (Cristenson 2001: 21). Можно предположить, что эта адаптивность киче в значительной мере предопределила форму изложения эпоса «Пополь-Вух».

Из важнейших для этого исследования особенностей, общих для строения грамматики языков семьи майя-киче, следует отметить что «грамматической

категории времени в языках майя нет. Временная соотнесенность ситуации при необходимости выражается лексическими средствами» (Виноградов 2012: 667). Также, необходимым будет отметить оправданность сравнительного исследования базовой лексики разных языковых групп тем, что на материале майяской глагольной системы был подтверждён тезис о том, что «имеется достаточно обширный спектр языковых феноменов, типологическое исследование которых в рамках группы родственных языков не только методически оправданно, но и в ряде случаев предпочтительно (Кибрик 1993: 21). Хотя следует сразу оговориться, что, например, глаголы, представляющие более чем треть «стержневой» лексики по Сводешу, в нашем исследовании будут занимать самую меньшую роль, так как не относятся к корпусу «базовых» лексических единиц в такой мере, как числительные, местоимения и существительные, – слова, связанные напрямую с пространственно-временными характеристиками тех или иных символизаций мифотоэтического контекста. Что характерно: и в списке Сводеша, который представляет из себя последовательный список позиционирования лексических единиц, исходя из их значимости, глаголы уступают позиции перечисленным выше категориям слов и следуют после них.

1.3. Основные лингвистические данные по письменности майя классического (древнего) периода.

Первые археологические раскопки на территории майя были начаты только в конце XIX века, но, пусть и не всегда систематично, изучение материала началось до этого момента.

Сталкиваясь с мезоамериканскими артефактами, первые исследователи пытались зафиксировать знаки, и визуальные изображения-тексты. Вместе с изучением дат было начато изучение текстов, наряду с которыми эти даты приводятся. «Иероглифическая письменность майя была распространена с начала нашей эры до XVII в. на юге современной Мексики, в Гватемале, Белизе и Гондурасе. На данный

момент в нашем распоряжении находится около 15000 текстов (Давлетшин 2003). В большинстве случаев эти тексты либо детально вписаны в планировку городов в виде стел, алтарей, барельефов, либо являются нанесенными на изделия из керамики. Имеет практический смысл обратить внимание на череду открытий в области исследований иероглифической письменности, так как из них состоят попытки составления первых каталогов письменных знаков, которые отсылают к конкретным словарным значениям, и категориям значений. Также эти списки предоставляют статистическую информацию, по которой можно зафиксировать количество знаков каждого конкретного типа пространственно-временных характеристик, эта фактическая информация будет использоваться нами в последующих главах в ходе анализа значимости этих элементов в базовых текстах.

Первым, кто попытался сопоставить данные из разрозненных источников XVIII-XIX вв, был француз Леон де Рони, который сделал предположение об иероглифическом характере языка, а также определил названия цветов и сторон света. Позже работы де Рони были продолжены американским ученым Сайрусом Томасом, который, произвольно интерпретируя письменные знаки, внес в их толкование массу ошибок. Эти ошибки затормозили исследования языка майя более чем на половину столетия.

За это время предпринимались попытки найти ключ к пониманию принципов организации письменного языка майя, но в большинстве своем они заканчивались неудачей. Как указывает Кнорозов, основной причиной допущенных в интерпретации знаков ошибок, было отсутствие справочного аппарата или какого-либо установленного каталога знаков (Кнорозов 1963: 39). Все же в 1933 и 1935 годах американским лингвистом Уорфом были даны описания 24 знаков, и несмотря на то, что он их неправильно перевел, сама идея о том, что необходимо объективно изучить закономерности употребления знаков в языке майя и связать их с закономерностями в языке, была верной (Кнорозов 1963: 38). Первый каталог был создан Уильямом Гейтсом в 1931 году. Перечисление этих знаков приводится Кнорозовым:

В каталоге Гейтса знаки (фактически графемы) идут до № 757. Однако, из-за того, что было оставлено много пустых номеров, всего зарегистрировано 440 знаков, в том числе 25 знаков дней (два из них в действительности не связаны с днями), 19 знаков 15

месяцев, 12 календарных, 3 цифровых, 5 знаков цветов, 44 лицевых, 7 квази-лицевых, 56 знаков животных, 106 условных, 13 пиктографических, 7 знаков затмений, 32 «знака созвездий» и 111 «мелких элементов». (Кнорозов 1963: 39)

В дальнейшем исследования были продолжены Гюнтером Циммерманном, который привел свой каталог знаков, указав также формальные «мелкие» элементы, которые были изображены в иероглифах, буквально: 63 знака, обозначающие части головы и тела людей.

Даты майя записывали при помощи цифр и знаков, значительная часть которых совпадает со знаками письма. В результате изучения календаря свелось к изучению календарного смысла этих знаков, определенному путем арифметических расчетов, безотносительно к тому, как читались эти даты на языке майя (Кнорозов 1963: 39).

Параллельно с изучением дат было начато изучение текстов, которые им сопутствовали. Эти тексты, детально вписанные в планировку городов в виде стел, алтарей, барельефов, были написаны иероглифическим письмом и охватывали период с IV по XV вв. (в том числе – и датировки стел Копана).

Археологические публикации о надписях были изданы Моудсли и Морли, в частности, — детальный обзор надписей, найденных в городе Копан (Ланда 1994: 250). Несколько позже, Татьяна Проскурякова при изучении надписей в Пьедрас-Негрес выдвинула гипотезу о наличии в текстах иероглифов, означающих даты рождения и коронации наряду с другими, которые означали имена и титулы. Через продолжительный отрезок времени эта гипотеза станет научным фактом, в том числе — и в процессе изучения стел Копана, которые, как и надписи в Пьедрас-Негрес, указывают на имена и даты рождения правителей. На текущий момент есть несколько основных направлений в изучении письменности майя: с одной стороны, это русская школа мезоамериканистики на базе Мезоамериканского учебно-научного центра имени Ю. В. Кнорозова при РГГУ, ведущая начало с 1950 года работы и исследующая проблемы теории и практики дешифровки, представлены в работах А. И. Давлетшина, выделяются работы И. А. Виноградова по грамматике актантных глаголов и семантическим грамматическим категориям глагола языков семьи майя, изданных при Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова.

Подавляющее же большинство современных исследований сконцентрированы в европейских и американских публикациях посвященных майяской письменности в основу которых легли «Копанские записки» («The Copan notes», 1986-1991, — сборник статей, посвященный дешифровке изображений и надписей, изначально стартовал как неофициальная инициатива ученых Линда Шийл (Linda Schele) и Давида Стюарта (David Stuart), впоследствии ставший академическим источником Университета Техаса (University of Texas in Austin), а также научные труды по палеографии и феноменологии стел, опубликованные при Фонде поддержки Мезоамериканских исследований (Foundation of the advancement of the Mesoamerican studies(FAMSI)).

1.4.Хронологическая классификация языков майя, предложенная Ю.В. Кнорозовым.

В процессе описания пространственно-временных лексем мы имеем дело с текстами, которые представляют из себя, как мы уже упомянули выше, мозаику, структура которой создавалась многими культурами на протяжении длительного отрезка времени. Данная разнородность создает определенные препятствия на пути дешифровки и интерпретации иероглифических текстов, причем, синкретизм представлений и языков обнаруживается повсеместно: от текстов на монументальных памятниках и керамики до текстов кодексов и хроник. Разрушенные памятники более древней культуры зачастую использовались культурой, пришедшей на ее место, и майянская классическая культура – не исключение (Кнорозов 1961: 212). Так, например, в Яшчитлане притолоки с архаичным шрифтом взяты с более древних сооружений, о чем свидетельствует надпись на одной из притолок в здании 13, отличающаяся от маянских иероглифов и в «ольмекском» стиле заключенная в овал (Кнорозов 1961: 19). Это одно из свидетельств, которые дают основание для предположения о том, что классическая культура майя развилась на основе более древней «ольмекской», и даже более того: о том, что древнейшие и майя до переселения на юг — один и тот же народ (там же: 8) Так, в переводе с майя-киче, *xat'an* (шаман в русск. транскрипции) переводится как «север», во второстепенном значении «северный ветер», и имеет один корень со

словом *xamanach* – «древний», образующим словосочетание *xamanach kanh* – «древний житель» (Там же: 210). В языке киче древняя основа слова не изменилась и значение осталось схожим по смыслу (*xambe* – оставшийся позади). О том, что майя пришли с севера, свидетельствует наличие культуры хуастеков, по языку близко родственных с майя и живущих за пределами ареалов обитания иноязычных народов, живущих по соседству с территориями майя. (Там же: 31) Предположительно, во времена «ольмекской» культуры заселяются лесные массивы Гватемалы и Чиапаса (Там же: 9). Впрочем, нельзя прямо отождествлять носителей «ольмекской культуры» с древнейшими майя, так как некоторые «ольмекские» центры продолжали существовать в классическую эпоху майя (Там же: 8), например, так же, как культура и религия майя, известная по источникам колониального периода, ни в коей мере не может быть отождествлена с культурой и религией древних майя до тольтекского завоевания (Там же: 30).

Область расселения индейцев языковой семьи майя-киче в основном совпадает с областью распространения древней культуры майя (Там же: 4). С тольтекским завоеванием на территорию классических майя пришли иноязычные племена, так что, исходя из археологических свидетельств, можно признать правдоподобной версию о том, что и племена киче пришли из Ноновалько в составе союза племен тугуль-шив и ица (согласно хроникам, время прихода племен 928-1027) (Там же: 25):

Се Акатль, бежав из Толлана, обосновался в Ноновалько, где жили подвластные тольтекам племена (многие из них говорили на майя киче), с их помощью Се Акатль начал завоевание страны майя (с этого момента история майя известна по источникам колониального периода). (Там же: 30)

Эти племена воссоздали Ушмаль – крупный северо-западный город классических майя, находившийся в тот момент в руинах, и «основали» город «Чичен Ица» – культурный и религиозный центр майя, существовавший задолго до прихода племен ица. Сложно недооценить культурное влияние тольтеков на население Юкатана; культура, которую принес с собой Се Акатль (Торпильцин Се-Акатль Кецалькоатль; Первый Тростник Наш Царевич Пернатый Змей – тольтекский религиозный и политический деятель, верховный жрец Кецалькоатля, чья биография слилась с образом этого божества) (См.: Прил. 1), поначалу насаждалась весьма жестокими методами, носившими характер тотального истребления неугодных и несогласных с

новым порядком. С другой стороны, подчинившиеся народы и племена, расселившиеся по территории Юкатана, стали носителями унифицированной тольтекской культуры, которая активно насаждалась на завоеванных землях. Так, на фоне сообщения Гаспара Антонио Чи о существовании в прошлом сеньора «древней» Чичен Ица, которому платили дань Мексика, Гватемала и Чиapas, характерно содержащееся в «Пополь Вух» упоминание о 200-х летней гегемонии Чичен Ица: трое сыновей легендарных прародителей племени киче отправились из Гватемалы в далекое путешествие, чтобы получить у владыки Чичен Ица эмблемы власти (знаки правления и все отличительные символы) (См.: Прил. 2, 3, 4) и знаки достоинства: от циновки ягура *ah roop* до церемониальных перьев и головных уборов (Там же: 26). Тольтекская культура, в свою очередь, являлась вторичной по отношению к культуре майя, в ней использовался набор символов, характерных для иконографии майя. Например, для архитектуры Толлана, исторической столицы тольтеков, были характерны кареатиды и колонны при входе в здание. Часто основание таких колонн изображало голову, а капитель — погремушку гремучей змеи, наряду с этим на барельефах в храме Кецалькоатля, изображены орлы, грифы, поедающие человеческие сердца, и ягуароподобное чудовище (Там же: 25). После разрушения последнего крупного центра — города Майяпан (1441 г.), территория майя-киче окончательно разделилось на провинции и в таком виде оставалась до начала колониальной эпохи.

После дешифровки письма язык майя стал доступен к изучению по письменным источникам, создававшимся на протяжении около двух тысячелетий, и в целях разграничения основных временных границ изменений фонетики и лексики Кнорозов видел целесообразным определить следующие пять стадий развития языка майя:

1. Архаический язык — до классической эпохи. Образцы его представлены, вероятно, ранними ольмекскими надписями, а отдельные элементы встречаются в дальнейшем в виде архаизмов.
2. Древний язык, на котором были написаны иероглифические тексты. Этот язык был разговорным на рубеже нашей эры, когда возникла классическая цивилизация майя.
3. Старый язык, сохранившийся в источниках XVI в. (многие тексты книг Чилам-Балам, словарь из Мотуля, грамматика Коронеля). Этот язык сложился

в результате завоевания юкатана в X в. племенами ица и тутуль-шив. В него в известной степени проникла тольтекская лексика.

4. Новый язык (XVIII – начало XIX в.); характеризуется значительными изменениями в грамматике, особенно в спряжении глаголов. В это время были написаны подробные грамматики (Бельтран). Начиная с XVI в. в язык майя стала проникать испанская и отчасти аравакская лексика.

5. Современный язык (со второй половины XIX в., после «войны рас») характеризуется значительными изменениями в грамматике, особенно в области фонетики, а также значительным проникновением испанской лексики. В настоящее время имеются периодические издания на языке майя. Многие индейцы стали двуязычными, владея также испанским языком. В свою очередь многие жители Юкатана испанского происхождения владеют языком майя, а в испанский язык вошло много слов майя (Там же: 46).

Неудивительно, что по сообщениям авторов колониальной эпохи (XVI-XVII вв.) среди майя существовал древний язык, известный лишь жрецам, и пелись «старые песни», которые почти никто не понимал, и которые, по мнению Кнорозова являются остатками ставшего непонятным языка старых фольклорных произведений. (Там же: 45)

Примерно в это время на территории языковой семьи майя-киче произошло зарождение постколониальной литературы, изобилующая примерами употребления конкретных произведениях мифопоэтических лексических элементов из разных стадий развития языка. Вероятно, мотивы, которые пересказываются в поэме «Рабиналь-Ачи» или в тексте «Пополь-Вух», существовали в виде законченных литературных произведений и в доколониальную эпоху, но на сегодняшний день это этот аспект остается недоказанным. Впрочем, многие исследователи выдвигают мнение о том, что эпическая поэма «Пополь-Вух» в доколониальную эпоху не являлась самостоятельным литературным произведением, а является позднейшим пересказом образов и мотивов, выраженных в кодексах-предсказаниях (например, самый ранний из имеющихся Дрезденский кодекс) с привнесением устной фольклорной традиции киче.

2. ЗНАЧИМОСТЬ ОБЪЕКТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В АРХАИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ РОЛЬ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

2.0. Объекты материальной культуры

Объекты материальной культуры наряду с явлениями природы являются основой культурно-специфических концептов, описания и функции которых аккумулируются в мифе. Нередко тексты мифа нанесены на материальные объекты, внешний облик и функциональное назначение которых зачастую определяет характер передаваемой мифом информации. Так, в культуре майя тип предметов, с помощью которых фиксировались изменения как в устной, так и в письменной традиции не менялся столетиями. Весьма приблизительно мы можем разбить предметы, на которых сохранился основной текст мифа, на две категории, одни имеют бытовое значение, другие сакрального.

В первую категорию входят предметы, на которых излагаются полноценные тексты, это в первую очередь предметы из керамики, особенность текстов на которой – это поэтичность и нарративность. Керамическая посуда использовалась повсеместно на протяжении всей истории центральной Америки и, соответственно, производство ее носило частный характер; в известной мере это было единственное

пространство, в котором развивалась литература или, как минимум, существовала свобода в интерпретации художником канонических мотивов.

Вероятно, в классическую и постклассическую эпоху существовали корпуса текстов, написанных на материале, из которого изготовлены кодексы. До нашего времени на таких носителях дошли лишь несколько сводов предсказаний-пророчеств. Учитывая, что большая часть сохранившихся до наших дней кодексов носит следы большого количества ошибок и небрежности, а также сокращений, ученые предполагают, что интерпретации текстов-предсказаний, а также, вероятно, и остальных возможных текстов, так же варьировались и производились не централизованно, и на основании этого нельзя утверждать, что авторы этих текстов следовали какому-либо одному канону.

Другой тип медиумов, материальных носителей информации, как мы уже подчеркнули выше, носит ритуальную функцию и, как правило, момент актуализации этих текстов носит публичный характер. Это многочисленные по типам стелы, алтари, притолоки, барельефы, надгробные плиты. Письменно передаваемая информация носит формальный, фактический характер, который не оставляет пространства для текста мифа как такового, в то время как визуальная информация, представленная на стеле или алтаре в виде скульптурных образов или рисунков, может представлять из себя сложный многоуровневый текст мифа, основанный на соединении воедино элементов божественного, мифологического и бытового, связанного с жизненной необходимостью и формированием идеологических установок.

Тем не менее, информация изобразительного характера, например, выраженная в скульптуре, имеет исключительную аналитическую ценность, так как элементы убранства изображенных персоналий, украшения, ритуальные предметы, — по внешнему виду соответствуют реальным археологическим находкам, то есть имеют денотаты (Willey 1994: 297). С другой стороны, Ершова пишет, что записи и рисунки на керамических сосудах содержат более вольное содержание. Поскольку, например, большинство сосудов было найдено в погребальных камерах, которые майя зачастую оборудовали прямо у себя дома, под полом, то соответственно, и информация на них носит более частный, бытовой характер, который зачастую не

соотносился с конкретным захоронением в силу значительной ценности таких сосудов для майя, но изображал ритуал, миф или же сцену из жизни майя.

Исходя из составленного нами списка, мы выделили следующие оппозиции, которые наиболее актуализированы в большинстве текстов майя-киче содержащих мифопоэтическую информацию:

ki	(many)	—	chi	(few)
ħun	(one)	—	ca	(two)
chauac	(long)	—	coc	(short)
habanac	(wide)	—	ħuthan	(narrow)
ixoq	(woman)	—	icham	(man)
atan	(wife)	—	ah atan	(husband)
can	(snake)	—	mut	(bird)
te	(tree)	—	ah	(stick)
kin	(day)	—	akab	(night)

Вышеперечисленные оппозиции могут быть дефинированы в рамках оценочной шкалы и выстроиться в иерархической последовательности уровней мифологизации повседневной жизни майя. Так, например, мы можем увидеть при составлении первичного описания, что обнаруживаются мотивы, связанные с астрономией, погодными явлениями, жизнью и смертью, гендерными отношениями. Все перечисленные аспекты подпадают под наблюдаемые либо контролируемые области жизнедеятельности, и из этого можно сделать вывод, что пространственно-временные мотивы предназначены не столько для описания картины мира, сколько для взаимодействия с ним посредством заданных в мифологическом пространстве установок. Это утверждение пересекается с тезисом Т. Цивьян о том, что: «хронотопические указания являются рамкой для правил, которые следует усвоить человеку» (Цивьян 1985: 167). Текст мифа построен на оппозициях, которые образуют (особенно в случае Дрезденского Кодекса) инструкцию по ведению сельскохозяйственных дел, которая давала возможность человеку чувствовать себя

уверенно в меняющемся мире, создавала иллюзию положения вещей «так, как заведено искони». Нам надо постоянно учитывать, что: «основным назначением кодексов было хранить путь (*keep track*) циклов через циклы времени. На каждой странице зарисованные определенные последовательности разделены цифрами, которые являются исчисленными в днях индикаторами интервалов между ними» (Aveni 1992: 6).

Доказательством целостности этого процесса нам представляется перечень, приведенный в начале главы, пример равномерного распределения пространственно-временных оппозиций. Среди относительно отдельных пространственно-временных аспектов выделяется примерно такое же количество смешанных типов (4 качественных, 2 гендерных, 3 смешанных пространственно-временных), в итоге схема этих оппозиций укладывается в категории характерной лексики, доминантной относительно выделенных в следующей главе корневых основ, которые используются в целостной системе ритуалов и символизаций, связанных со временем и пространством. Для более точного описания семантических категорий данные оппозиции следует подвергнуть методу «компонентного анализа» (Попов; Стернин: 2007), что как мы надеемся будет сделано в наших последующих работах, посвященных данной тематике.

Вместе с тем, классификационный перечень элементов мифологизации не представлен исключительно бинарными оппозициями, в частности, сторон света изначально четыре, но мотив всемирного древа дополняет эту четырехчленную систему пятой стороной света, возникшей благодаря метафоре (росток кукурузы – Ицамна), появившейся в развитии сюжета мифа о творении. В то же время, в пространстве сакрального это выражается в том, что бог Чак восседает в четырех ипостасях, соответствующих сторонам света. Двухмерная же проекция дерева в иконографии стремится к пространственному решению в виде креста. Детальное же рассмотрение данных противоречий частично затрагивается в анализе, но не входит в цели и задачи данного исследования.

2.1. Анализ культурной значимости календарных артефактов в ритуальных практиках классических майя, на примере археологических исследований

Основные типы находок, относящихся к классическому периоду на территории расселения майя, представлены монументальными архитектурными сооружениями, скульптурой, лепниной из штука, фресками, украшениями, керамикой, мелкой пластикой и предметами зачастую неясного назначения, которые, вероятно, использовались в отпавлении религиозных обрядов (например, фигурные обсидиановые клинки).

Многие объекты, которые находятся на территории города Копан, универсальны для других церемониальных центров-городов. Так, в двух действиях, зафиксированных в «Пополь-Вух», мы можем различить признаки единой мифологемы сотворения мира и установления раз и навсегда данного порядка мироздания (посредством игры в мяч). Символы, отраженные в этих действиях, широко представлены в ритуальных центрах майя в виде элементов архитектуры и мелкой пластики. Есть все основания считать, что перечисленные мифологемы повлияли на культурно-специфические особенности представлений о мире у соседних с майя народов. Так, мы видим, что базовые словоформы из древнего языка майя отражены не только на территории центральной Америки, в первую очередь это слово «небо» – *caan*, которое, по всей видимости, является частью слова *huracan*, перенятого европейцами у жителей будущей Вест-Индии. Также, обращая внимание на монументальные формы символизации, такие как элементы архитектуры, можно отметить распространенность отраженной в эпосе майя киче мифологемы «игра в мяч», в среде карибских и южноамериканских племенных культур; так, Ю. Е. Березкин пишет: «как в Мезоамерике, так и в прикарибских областях, в частности, Южной Америки, была распространена ритуальная игра в мяч» (Березкин 2008). Кроме того, исследователи упоминают данный аспект в контексте ранней ортоироидной культуры, развивавшейся наравне с ольмекской, которую, как мы уже отметили в первой главе, во многом считают предшественницей культуры классических майя и мезоамериканских культур в целом.

2.2. Функции подобных предметов в культуре носителей языка майя-киче

Игра в мяч, которая является основным элементом эпоса «Пополь-Вух», была любимой игрой божественных близнецов (См.: Прил. 3), метафорически олицетворявшей процесс установления миропорядка, веру в циклический характер времени, являвшийся основой существующей картины мира, то есть отношений Луны и Солнца, в которые превращаются близнецы в ходе повествования. По версии Мирчи Элиаде процесс разделения пространства на категории посредством мифа о близнецах был естественным ответом на изменения, происходившие с общественными структурами того времени. Этот мотив был взят из набора «классических решений» выразивших открывшиеся сознанию архаичного человека процессы дихотомии и антагонизма (Элиаде 1987: 207). Если на островах карибского бассейна такое сходство мотивов может быть объяснено наличием тесных контактов, выраженных в том числе и в виде языковых заимствований (как со словом «Хуракан»), то Мирча Элиаде расширяет ареал существования мифологемы борьбы священных близнецов в пределах не только Центральной, но Южной и Северной Америк (Элиаде 1987: 208-211). Площадки для игры в мяч обнаружены практически на всей территории расселения классических майя, в некоторых городах, таких как Чичен-Ица, стадионы для игры в мяч имели размеры, не сопоставимые с человеческим ростом, что может указывать на только символическую репрезентацию этих объектов, в качестве монументов, посвященных оппозиции солнца и луны, к которой в конечном итоге приводит текст мифа. В игре происходит разделение на составные части, на стороны как правило разного цвета, как это происходит при разделении команд.

Так как мы не имеем точного представления мы можем только выдвигать предположения о правилах и ходе игры в мяч. Такая характеристика командной игры, как предполагаемое разделение команд на «ночь» и «день», при сопоставлении этих универсальных мотивов с элементами архитектуры майя, приводят к аналогии с часто встречающемся в майяской археологии типом артефактов под общим названием «Skyband». Этот объект представляет собой скульптурно выполненную цепочку знаков, которые могут быть замкнуты в кольцо, либо разомкнуты, например, являясь элементом оформления входов. Как мы видим на замкнутом

«Skyband», обрамляющем надгробную плиту из Храма Надписей Паленке (см.: Прил. 5), знаки «луны» и «солнца» расположены противоположно друг другу. Метафорически этот концепт был выражен в виде анималистичной символики, всевозможного вида змей, сколопендр, многоножек, и лексическую связь подобных соответствий мы попробуем обосновать в следующей главе настоящего исследования.

2.3. Ценность вербальных текстов в контексте исследования

«Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную), и (что для нас особенно важно), функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире» (Корнилов 2003: 4). Это утверждение справедливо и в исследованиях основных мифологем и образных значений «Пополь Вух», в первую очередь, в контексте авторства. По отношению к «Дрезденской рукописи» и другим кодексам этот вопрос в значительной мере снимается из-за того, что они существуют только в иероглифических кодексах, записанных до эпохи завоевания Америки и обнаруженных в позднейшее время. Противоположную картину являет эпос «Пополь-Вух»; в нем явно прослеживаются признаки собирательности образов, попыток описать разные по стилю и содержанию сюжеты. Традиционно основным текстом считается транслитерированный манускрипт, обнаруженный настоятелем падре Франциском Хименесом спустя полтора века после его предполагаемого написания, предположительно в Санта-Крус дель Киче, одного из поселений киче в горных районах Гватемалы (Cristenson 2003: 22). Помимо этого текста, обнаруженного и опубликованного в XVIII веке Брассером де Бурбуром, существуют свидетельства более ранних контактов европейцев с предшествующими изданиями. Так, Бартоломео де лас Касас писал в воспоминаниях что видел несколько книг «Пополь-Вух» написанных иероглифическим текстом, и

оформленных по манеру «равнинных майя», и более походивших на кодексы, что не случайно. Помимо манускрипта Пополь-Вух существует в виде бесчисленного количества визуальных образов и малых пластических форм, а также оформления керамических изделий. И наконец, «Пополь-Вух» существует как речевой фольклор, и его интерпретации, помимо этого сюжеты мифа проявлены в ритуалах современных Киче. Возвращаясь к Де лас Касосу, стоит отметить что, он оставил воспоминания о характере персонажей «Пополь-Вух» своего времени, образы и оценочные характеристики которых значительно отличаются от облика персонажей в «классическом» тексте Хименеса, что наталкивает на мысль о том, что поздняя транслитерация была (помимо перевода в другую письменность) также и адаптацией к реалиям христианства (Cristenson 2001: 26). Помимо этого, Де лас Касас упоминает событие, которое вводит сюжет текста в рамки конкретной семиотики событийности, ведь исходя из теории текста, именно «событие служит организующим началом для текста, является строительным компонентом для его структуры» (Трещева 2012). По описаниям епископа, старшие братья (из первой пары) героев-близнецов изображаются в уничижительном виде, впоследствии они были превращены героями в обезьян-ревунов. Основанием послужил факт отделения от изначальных героев-близнецов, более молодых близнецов, которые ассоциировались во время написания оригинала текста с династией, пришедшей в определенный момент к власти. Исходя из этого факта, кажется логичным предположение о том, что оригинал текста был написан представителями низших слоев аристократии киче (Cristenson 2001: 35).

3. АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ БАЗОВОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКОВ МАЙЯ-КИЧЕ В КОСМОГОНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ДОКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

3.0. Принципы анализа

В числе главных задач лексикологии, как известно, находится изучение значений слов, различные изменения этих значений, а также отношения между значениями, которые называются семантическими, — другими словами, лексикология (в первую очередь) исследует семантику слов — лексем. Описывая базовые единицы лексики, мы должны прежде всего отделить части слова, влияющие на семантику: так, сразу стоит отметить, что система языков семьи майя, характеризуется наличием выраженной аффиксации, которая может значительно влиять на смыслообразование. Как правило, аффиксы отделены от корневой морфемы слова, например, префиксация при помощи частицы *ah* в слове *ah kin* — жрец. В то же время, необходимо учитывать, что «особенность майянских систем заключается лишь в том, что в отличие от морфологически неделимых основ, здесь мы имеем дело с четко выделяемыми суффиксами» (Виноградов 2012: 686), суффиксами же в языках майя представлено подавляющее количество аффиксов. Стоит сразу оговориться, что в нашей работе мы практически не будем затрагивать этот аспект смыслообразования, так как исследуем лексемы только в свете их контекстуальных связей и аспектов лексической семантики (т.е. смысл одной и той же лексемы в разных фрагментах текстов), в то время как в языках майя суффиксы в значительной

мере влияют на аспекты грамматической семантики глагольных форм в их взаимосвязи с остальными элементами предложения.

По большей части нас интересуют элементы базовой лексики, представленные существительными, так как именно они играют решающую роль в концептуализации тех или иных объектов действительности. Исходя из этого, мы будем в нашем анализе рассматривать только вопросы лексической семантики, не затрагивая аспекты семантики грамматической. Как сообщает Галина Ершова, в языках майя «слова нередко представляют собой чистые корни [...] ударение, как правило, приходится на корневую морфему» (Ершова 1990: 278). Это утверждение, как мы увидим ниже, в первую очередь относится к базовой лексике, так как практически во всех языках мира главной значимой частью и неделимой основой слова является корневая морфема, которая выражает основное значение слова (и его вариантов). Помимо этой категории в языках майя-киче существует обширный спектр сложных слов, состоящих из нескольких корней, например, слово *tzolkin* — «счет дней».

Исходя из данных, которые мы получили при составлении сравнительного списка лексем по методу Сводеша (см. Прил. 13), мы можем утверждать, что в базовой лексике языков майя фигурируют пять корневых морфем, определяющих словообразование и связывающих по смыслу целые кластеры слов. Так как мы исходим из того факта, что корень слова является носителем некоторой идеи или совокупности идей, нам кажется логичным, что в базовой лексике, которая уже на ранних этапах развития общества подвержена отчетливой символизации, одно слово может выражать целый спектр смыслов, которые, в свою очередь, могут формировать целостный культурный концепт. Так, в базовой лексике наблюдается выраженная полисемия, многие слова имеют более трех, а порой и более десяти связанных по смыслу значений. Как мы видим из перечня, приведенного ниже, эти слова характеризуют, как причастность к пространственно-временным мотивам, так и прямую или опосредованную связь этих мотивов с календарно-сельскохозяйственными практиками. Тем не менее, помимо выраженной полисемии в корневых морфемах, объединяющих большое количество значений, таких, например, как *ch*, очевидно присутствие омонимов.

1) haa (water)

2) k (c)-n (sun)

3) kik (fertility)

4) tz (s) (count)

5) ch (something fluid) <следует отметить, что в глагольных формах – которые мы не рассматриваем! – *ch* является префиксом, образующим форму «имперфектива» (Виноградов 2012: 672)

Теперь мы попробуем разделить базовую лексику языков майя-киче, которую мы описали по методу составления списка Сводеша, на пять групп, в которых данные корневые морфемы играют главенствующую роль. Далее, двигаясь от формы слова к его содержанию, мы определим основные семантические отношения между получившимися группами лексических единиц посредством описания смысловых отношений, в которых находятся данные слова. Методом такого описания, будет лингвокультурологический комментарий к этим отношениям в рамках характерных для этих отношений культурно-языковых концептов. Данными описаниями мы будем сопровождать последовательно дополнять и разъяснять каждую из приведенных ниже групп производных от корневых морфем.

3.1. Слова, образованные корневой морфемы *haa*

haa (water)

water (haa ст) (Полный список сокращений см. в Прил. 12)

rain (chaac чрт. (haa ст.))

river (yoc haa ст.)

lake (ha' юк.)

year (haab ст.)

a) rulers wife (ix haah ст.)

right (chaab'il кекчи)

tooth (chaab'il киче)

Для начала опишем семантические отношения в контексте полисемии — множественности значений. В них входят две категории, с одной стороны полисемические отношения могут быть выражены как процесс или явление, а с другой — описаны через свойства объекта. В известной степени эти определения взаимосвязаны, но мы будем рассматривать смысловые отношения преимущественно со стороны свойств, так как корневая морфема, которую мы определили для этой группы, — «вода» — обладает и признаком качества, или, другими словами, является атрибутом объекта (например, «водяной», «водный», «подводный» и т.п.). Вода — это материальный объект, имеющий свойство среды, которое в свою очередь определяется процессом взаимодействия объекта и субъекта. Из данного утверждения, мы можем заключить, что все объекты, которые обладают свойством влажности, относятся к полисемичным. Таковыми являются, вне всякого сомнения, собственно «вода», затем «дождь», «река» и «озеро»(см.: Прил. 6). Представляя в качестве многозначных форм остальные лексемы, мы на первый взгляд видим, что «вода» не сочетается со значениями этих слов, а значит, является по отношению к ним омонимом. Но, мы придерживаемся позиции Анна Вежбицкой в определении значения слова и представляем себе каждый элемент лексики частью концепта, обладающего культурно-специфичными и универсальными значениями, и формирующего в сознании субъекта представление о контексте, в который погружен объект; так, Вежбицкая пишет, что «слова с особыми культурно-специфичными значениями отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого данного общества, но также и образ мышления» (Вежбицкая 2001: 19). В числе прочего оперируя обширным багажом, наработанным в ходе предыдущих работ, посвященных ритуальной семантике, выраженной в отношениях между мотивами базовых текстов культуры майя, мы попытаемся разъяснить полисемантический характер оставшихся слов (т.е. помимо значений «вода», «дождь», «озеро», «река») при помощи лингвокультурологического комментария.

У майя существовало два типа календарей солнечного года, первый — профанный, созданный для бытовых нужд, *haab* — 365-дневный, в котором было 17 месяцев по 20 дней и восемнадцатый с дополнительными пятью, так называемыми «днями-призраками», по которому велись все сельскохозяйственные работы. Вторым же солнечным годом был сакральный, «жреческий» год, т. н. «тун», длиной в 360 дней, по которому жрецы рассчитывали астрономические циклы, связанные с пророчествами, которые, в свою очередь, представляют основное содержание «Дрезденского кодекса» и регулируют астрономический порядок ритуалов, связанных с проведением вышеупомянутых сельскохозяйственных работ. Иероглифическое изображение этого года в тексте кодекса ассоциируется с Чаками и различными типами воды (См.: Прил. 7). То есть, по сути, образные характеристики лексемы «вода» являются доминантой для отправления всех практик, связанных с проведением сельскохозяйственных работ и собственно с сельскохозяйственным циклом года «хааб». Соответственно, получается, что образ воды, имманентно присутствующий в «хааб» в качестве графически-фонетической составляющей, является отражением универсального культурного концепта, связанного с предсказаниями, то есть с фактами отсутствия или присутствия в этом или следующем сельскохозяйственном цикле воды в виде дождя.

Далее стоит перейти к взаимосвязи этого образа с мотивом женственности, замужней женщины т.е. жены. Так, жены правителей и высших классов общества, *ix haah*, принимали, по данным археологии, прямое участие в ритуальном ознаменовании начала и конца сельскохозяйственного цикла. Например, в источниках классического периода знатные жены производили ритуал кровопускания и сжигали окропленные «священной кровью» листы бумаги, олицетворявшие собой «Млечный путь», символ плодородия, породивший по верованиям майя все сущее. (*Lady Waak Tun*, вторая жена правителя *Bird Jaguar IV*, перемичка 24 (Jouse 2000: 76-78)).

Образы женщины-матери, дождя и мотив их связи с плодородием почвы, прослеживается и в сюжете «Пополь-Вух». Так, *Little Blood* — мать героев-близнецов (*Hunter* и *Jaguar Deer* (См.: Прил. 8,9)), дочь одного из лордов Шибальбы (*Blood Chief*), проходит испытание, которое заключается в том, чтобы за одну ночь

собрать корзину початков кукурузы с поля, где рос только один початок. Чтобы почва сада, с которого кормилась вечно голодная пара «плохих» близнецов (1 Howler Monkey и 1 Spider Monkey), начала родить, Little Blood молится всю ночь, повторяя раз за разом одни и те же три фразы, в двух из которых есть слово женщина («all women of brightness, all women of rain»). И наутро она приносит к бабушке близнецов, от которой получила это задание, полную корзину кукурузных початков. Что характерно, в анимационной версии «Пополь- Вух» (автор Патриция Амлин (Patricia Amlin)), которая составлена из мотивов «Пополь-Вух», изображенных на керамике классического периода, дождь, который начинает лить на поле, идет в виде маленьких фигурок женщин, облаченных в традиционную одежду «уйпиль» (то есть замужних женщин).

Обращаясь к оставшимся двум лексемам, стоит отметить, что слово «right» (в значении корректно) также связывается с ритуалом священного плодородия, функция которого состояла в освящении цикла, то есть выражалась в надежде получить магический эффект «правильного распределением воды», так как вода была необходима не только для питания урожая, но и для того, чтобы вовремя осуществить подсечно-огневые практики на участке-милъпе. Ведь, «неправильный» дождь мог потушить выжигание леса раньше времени и испортить участок на весь ближайший год. Но, так как в источниках мы не находим прямых доказательств для такой аналогии, то скорее всего, следует отнести и слово «right» — «правильно» и слово «teeth» — «зубы» к категории омонимов.

3.2. Слова, образованные корневой морфемы *can*

can (sky)

sky (can ст.)

four (can ст.)

yellow (k'an чрт.)

rope (kaan ст.)

all (cono ст.)

day (kiin чрт.)

sun (k'in чрт.)

Как и в предыдущем анализе, вначале мы постараемся описать полисемию представленных лексем, но на этот раз в разрезе оппозитивности смысловых отношений. Они, судя по семантической составляющей, делят субъектно-объектные отношения на связанные с атрибутами дневного неба и связанные с атрибутами ночного неба, тут стоит подчеркнуть, что в мифологии майя, как и большинстве других мифологий, сутки поделены между двумя категориями сверхъестественных существ, одни отвечают за дневное небо, другие – за ночное (в случае майя это и герои-близнецы, которые стали Солнцем и Луной, и отдельные боги-покровители — бог солнца Кинич Ахав (*Kinich Ahaw*) и богиня луны Иш Чель (*Ixchel*). Если рассматривать свойства дневного неба, то ему свойственны такие явления, как «желтый» диск — «солнце», наличием которого и определяются понятие «день». С образом неба связаны также слова «веревка» и «четыре» в акте творения, с которого начинается текст «Пополь-Вух», где в сотворении мира участвуют три божества — *Создательница*, *Творец* (*Великая мать* — *Taneu* и *Великий отец* — *Кукумац*) и *Сердце Небес* (*Huracán*) — бог в трех лицах, объединяющий в себе мужское и женское начала. Сердце небес является среди них главным, так как Кукумац и Танау советуются с ним и внемлют его слову, он отождествлен с Млечным Путем и в конечном итоге расценивается как настоящий Творец (см.: Прил. 10)

Изображения «Бога Творца»: Бог с «каймановым деревом» (верх. Слева), (поздний классический период), Изображенется как: бог с пекари (поздний классический период, керамика); двухголовый крокодил с лицом бога (посередине), (Дрезденский кодекс 4b-5b); двухголовый крокодил с двумя престарелыми лицами (поздняя постклассика)) (Ершова 2002: 199). Символически данное сопоставление выражено в дословном переводе с майя-киче имени божества — Hunq'aban, что

означает «одноногий». Одна нога этой божественной сущности является аналогией к Млечному Пути, который выразался в мифопоэтике майя в образе «единой веревки» (*hun bal*), служившей для майя аналогией к процессу измерения, «вещественным доказательством» того, что сотворенный мир может быть измерен. Так, «измерительная веревка (measure cord)», является заключительным словом в перечне из священных слов, произнесенных божевами в самом начале акта творения. С помощью этой веревки божества измеряют сотворенную землю, дословно — с «четырёх сторон» и «с четырёх углов». Визуально, в ритуальном инвентаре, данный мотив выражен в образном понятии *Skeband* — ленты, включающей в себя календарные знаки месяцев, и опоясывающей в форме прямоугольника какой-либо ритуальный предмет, алтарь, или надгробную плиту саркофага (см Прил. 5), в том числе, данная последовательность знаков опоясывает собой и традиционную четырехугольную женскую одежду «уйпиль», символизирующую мир, ограниченный сторонами света (что характерно не только для майя, ср. еврейскую ритуальную накидку талит). То есть, кайма и «*sky band*», это пространственное решение концепта «небо», которое реализовано в виде протяженности и выступает в форме ленты-последовательности явлений, небесных светил. Таким образом, мы видим, что явление полисемии не только свойственно и включает вышеперечисленные лексемы, но более того, имманентно включает в себя и смысл понятия «всеобщность» («all») — так как мир был измерен небесной веревкой целиком, от края до края.

Впрочем, стоит упомянуть также и коннотации, связанные со смысловыми характеристиками ночного времени суток; так, например, вышеупомянутая богиня ночи Иш Чель была покровительницей письменности, и в том числе цифрового счета, науки и знаний, что соответствует логике ритуального процесса вычисления астрономических циклов. Логично, что проекция небесной веревки — «Млечный Путь», и звездная карта, по которой велись вычисления знамений, а также расчёты, связанные с мистическим календарным циклом «Цолькин — счет дней» (в нем, исключительно важную роль играл цикл обращения созвездия Персей), были доступны, вне всяких сомнений, только в ночное время суток. Таким образом, мы видим, что данная группа лексем является связанной по смыслу и семантические отношения в ней характеризуются выраженной полисемией.

3.3. Слова, образованные корневой морфемы *kik*

kik (blood)

seed (kikel ст.)

blood (kik, kikel ст.)

heart (ki чрт.)

to live (k'asi'k киче)

Стоит сразу подчеркнуть, что в данной группе лексем, только смыслы пары: «blood» — «heart» могут отождествляться безусловно, так как мышцы сердца имеют свойство сокращаться только с одной целью — чтобы поддерживать ритмичную циркуляцию крови. Рассматривая циркуляцию крови как процесс, мы учитываем сердце как необходимый компонент системы кровообращения, поэтому смысловые отношения этих лексем, объединенных одной корневой морфемой, мы рассматриваем как безусловно полисемичные.

Семантические отношения другой пары пары: «seed» — «blood», характеризуются выраженной семантической мотивированностью, так как слово «семя» произносится так же, как и слово «кровь», очевидно, что здесь присутствует явления и метафорического и метонимического переноса значения. Метонимический перенос выражен в отождествлении черт продолжения жизни присущих семени (как мужскому, так и растительному) и черт поддержания жизни присущих крови. Так, мать героев-близнецов, которая фигурирует в тексте «Пополь-Вух», зовут Little Blood, и она, в свою очередь, является дочерью Blood Chief – лорда Шибальбы (обиталища богов, не путать с загробным миром!) который, очевидно является верховным божеством символизирующим кровь. Зачатие героев близнецов символически выражено через оплодотворение ее мужским семенем, которое на

ладонь First Blood выплюнул череп убитого лордами Шибальбы близнеца (1 Hunter см. Прил 7).

Исходя из этого примера, мы видим, что пара «seed – blood» пресекается по смыслу с глаголом «to live». Мы решили включить в эту группу глагол «to live», так как смыслы всех слов данной группы, очевидно, являются развитием лексического значения этого глагола и в совокупности с его значением характеризуются устойчивыми смысловыми связями. В известной степени этот глагол организует семантическое поле и выступает как семантическая доминанта относительно представленных лексем.

Для более детального рассмотрения характеристик указанной семантической мотивированности в первую очередь следует учесть культурные и мифопоэтические аспекты развития лексических значений указанных слов — они определяются через описание в текстах культуры тех отношений, в которых находятся указанные слова. В значительной мере эти отношения отражены в идеях, которые выражались (и выражаются до сих пор) в обрядах и ритуалах, связанных с установлением связи между вещами, находящимися в реальном мире, и содержанием идей, находящихся в идеальном пространстве. На примере описания обрядов, направленных на поддержание жизни, мы видим, что символическим посредником, заменяющим настоящие кровь и сердце, могла служить смола дерева как связующее звено мотивов и крови и сердца. В случае с кровью, доказательством такой связи является факт переноса мотива «кровь» в сферу ритуального употребления; так, слово *kik* во втором значении выступает как «шарик из смолы („сжигаемый в жертву богам“»)» (Кнорозов 1963: 192). То есть, кровь, исходя из примера, приведенного в предыдущем анализе (где сжигалась непосредственно кровь, нанесенная на ленты), могла заменяться ритуальной смолой в обрядах, связанных с приношениями жертвы сверхестественным силам, которые ответственны за поддержание жизни.

В тексте «Пополь-Вух» мы наблюдаем подмену на смолу, произошедшую в том числе и с сердцем. Упомянутая выше «First Blood» — мать героев-близнецов, после зачатия от первого близнеца, череп которого висел на дереве, к которому было запрещено приближаться, своим своевольным поступком сильно разозлила лордов Шибальбы, и они потребовали, чтобы птицы-посланники — грифы, принесли ее сердце (таким образом осуществив жертвоприношение девушки). Но птицы не стали

приносить ее в жертву, вместо этого они вняли ее совету подменить сердце на смолу дерева, так как девушка знала заранее, что сладкий вкус смолы будет для лордов таким же приятным, как вкус сердца, отвлечет их внимание и позволит ей выиграть время, чтобы бежать из подземного мира. То есть мы видим, что в мифопоэтике образ ритуальной смолы по оценочным характеристикам тождественен образу крови и сердца через функцию умиловивения богов. Стоит отметить также, что метонимические переносы значения характерны для символизаций других предметов, также выступавших в качестве символов жизни. Майя классической эпохи отождествляли кровь (из-за красного цвета) с киноварью, которая являлась неотъемлемым атрибутом похоронного ритуала. Покойников в буквальном смысле красили киноварью, «придавая покойнику вид живого человека для того, чтобы он был живым в следующем, загробном мире» (Ершова 2002:162).

Развитие этих смыслов позднее нашло отражение в ритуалах ацтеков, для которых массовые человеческие жертвоприношения были ежедневной нормой. Ацтеки, заимствовав черты описанных выше ритуалов, приносили в жертву пленников, добыча которых поднимала в их понимании иерархический статус воина. Жертвоприношение происходило посредством вырезания сердца и окропления его кровью ступеней пирамиды, что гарантировало «сытость» бога и непрерывность солнечно-лунных циклов, которые, опять таки, являются гарантом плодородия и выживания.

То есть, исходя из приведенных примеров, можно утверждать, что данный перечень лексем семантически мотивирован употреблением в едином контексте и переносом значения, а семантические отношения в этой группе носят выраженные черты полисемии.

Помимо метонимического переноса значения следует отметить также и метафорический характер переноса значения мотива сердца на образ плодородия и восприятие земли как базисного, структурообразующего элемента культуры. В тексте «Пополь-Вух» эта связь непосредственно проявляется в «акте творения», где творец всего сущего, земли, носит имя «Сердце небес».

Не менее интересен и несколько отвлеченный пример из современной истории майя, показывающий, насколько основополагающим остается отождествление сердца с плодородием и поддержанием жизни коллектива. Этот пример связан с

этническим майя, родом из штата Чьяпас, по имени Субкоманданте Маркос, который является всемирным символом индейского освобождения и на протяжении поледних десятков лет активно продвигает леворадикальные идеи среди этнических майя. Ярким примером несоответствия подобных идей с представлениями традиционной культуры мы видим в описании встречи революционера с крестьянами-майя, в ходе которой он попытался убедить крестьян, что следует поднять революцию против буржуазного правительства и вернуть землю в собственность рабочих. Выслушав его речь, после продолжительного молчания, крестьяне Чьяпаса ответили, что они не являются рабочими и земля является для них сердцем общин, а не собственностью: «land wasn't property but the „heart“ of their communities»(Klein 2002: 11)

3.4. Слова, образованные корневой морфемы *tz(s)*

tz(s) (count)

short (tzapo – тзот.)

long (tz'upul – тзот.)

thick (tzatz - киче)

fat (tzatz ст.)

left (tz'et тзот.)

right (batz'i тзот.)

good (utsi члт.)

bad (ma utz киче.)

dirty (tzuutzuup ст.)

wet (tz'uuq кекчи)

red (tzoh тзот.)

tree (tze' юк.)

stick (junts2 юк.)

root (motz2 ст.)

skin (tz'ú мам.)

hair (tzotz ст.)
nose (tza'm киче)
mouth (tzi (все совп.) мам)
belly (tzuc ст.)
guts (tzo7 тзот.)
neck (tzo7 тзот.)
breast (tz'um)
salt (á'tz'a мам.)
ash (tza'j мам.)
mountain (uitz ст.)
dog (tzul ст.)

Как и в предыдущих трех анализах, сначала мы опишем семантические отношения данного перечня лексем в контексте множественности значений. Довольно просто обозначить основной процесс выражением которого является корневая лексема *tz* — «счет», это процесс измерения чего либо с одной стороны, и качественная характеристика по которой можно вести измерения другой стороны.

В семантических отношениях с выраженной полисемией смысл, заложенный в производных словах от этой лексемы, должен быть выражен посредством наличия у объекта свойств, характеризующих его пространственно-временные характеристики, которые поддаются непосредственному измерению. С другой стороны, не случайно, что в эту категорию лексем, помимо существительных, которые зачастую являются мерой или составной частью объекта (соль, палка, части человеческого тела), также попали прилагательные, которые являются качественными состояниями объекта, относительно которых этот объект можно охарактеризовать. Более того, большинство представленных прилагательных образуют пары, в пределах которых может варьироваться степень сравнения качественных состояний (длинный, менее длинный, короткий). Исходя из этой позиции, все прилагательные, которые перечислены в начале этой группы можно охарактеризовать как связанные по смыслу, а корневую лексему, указывающую на измерение, которая присутствует в основе всех этих значений, как полисемичную.

Собственно, все мифопоэтические тексты, описывающие акт творения, в процессе развития сюжета так или иначе начинаются или связаны с разделением изначально единого пространства на множество составляющих. В этом аспекте «Пополь-Вух» не является исключением. Авторы с первых слов, отделяют себя от времени в котором происходит прочтение книги, в какой бы момент это ни происходило, важно то, что текст является «корнем (root — *motz*) древнего слова», древним преданием, которое следует понимать как исток знаний о мире, единственно возможную точку отсчета. Это косвенно подтверждается тем фактом, что описываемая корневая лексема *tz* имманентно включена в саму лексему «слово», на киче — *tzij*, на старом языке по Кнорозову, *than* — «слово», «речь», «язык», а во втором значении — «причина», «повод», «основание». Можно предположить, что авторы «Пополь-Вух» учитывали эту игру смыслов, когда начинали составление канонического текста с образа «древнего слова». Второй раз данная корневая морфема употребляется в первом имени, обозначенном в тексте, это имя создателя всего сущего — *Tz'aqol*.

Автор англоязычного, дословного перевода эпоса, А. Кристенсон переводит его как *Framer*, в то время, как в русскоязычном переводе Кинжалова первым упоминается имя «Создательница». Адекватность такого перевода вызывает у нас некоторые сомнения, так как учитывая данные иконографии (подробно см. в первом анализе-комментарии), есть все основания полагать, что имеется ввиду образ Творца олицетворенного в образе *skeband* — Млечного Пути (то есть перевод *Framer* кажется нам более уместным).

Теперь попробуем описать существительные с корневой морфемой *tz* через их упоминание в каноническом тексте эпоса. Так, в сюжете описывающем передачу бабушкой приглашения на игру в мяч, последовательно описывается процесс поедания посланниками друг друга: паук, жаба, змея и ястреб едят друг друга, как объясняет жаба, съевшая паука, — находясь в животе, послание будет надежней защищено в процессе доставки, что и подтверждается по прибытию — все посланники последовательно выплевывают друг друга и паук успешно передает близнецам приглашение То есть происходит процесс прямого и обратного отсчета, связанного с образом живота. Так же разбирая дальше тему частей тела, можно отметить, что характер взаимодействия героев эпоса и частей их тела явно имеет

черты многозначности, ведь части тела попеременно отсекаются в течение всего повествования. Отделенные от тела головы главных героев, рука, а в конце, когда близнецы проигрывают игру лордам Шибальбы, их «кости» дробятся на части и превращаются в «пепел». Позже, когда близнецы возвращаются инкогнито в образе двух старых рыбаков, расчленение приобретает «бесконечный» характер, напоминающий бесконечный хоровод-танец, в ходе которого части тела отсекаются и прирастают снова, опять отсекаются и заново прирастают. Можно предположить, что все части тела это инварианты единого процесса «отделения одного от другого», разделения целого на части.

По всей видимости, данный процесс является аналогией пространственно-временных отношений в картине мира майя, которые представляли время как последовательность циклических превращений, в которых одно является частью другого и целое разделяется всегда для того, чтобы воссоединиться вновь по прошествии строго определенного отрезка времени (сравни 52-х летний цикл календарей Цолькин и Хааб). Обобщая эти аспекты, можно предположить, что все что относится к частям тела, в перечне лексем, связанных с корневой лексемой *tz*, носит характер многозначности, однако, чтобы утверждать что-либо однозначно, приведенные выше корреляции должны быть предметом более углубленного исследования.

Черты полисемии не находят отражения в лексемах «палка», «дерево» и «корень», что опять-таки можно подвергнуть сомнению, так как в тексте все эти предметы не взаимосвязаны и фигурируют в сопричастности к разным процессам. Палка обособлена от дерева и корня и служит инструментом наказания (старшие братья-близнецы, наказывают младших героев-близнецов). Деревья связаны с образом мильпы — именно неудачи в процессе подсечно-огневого земледелия, и постоянный рост деревьев, выводят героев близнецов на животных, которые открывают им правду о их истинном предназначении — игре в мяч. Корень, как мы уже упоминали выше, также представлен отдельно от образов дерева или палки. Исходя этих факторов можно предположить, что смысловые отношения данной группы лексем преимущественно носят черты омонимии. То же утверждение, с большой долей вероятности, справедливо и для лексем «dog» и «mountain».

3.5. Слова, образованные корневой морфемы *cha*

cha (referring to rain)

big (chac ст.)

many (chac ст.)

long (chauac ст.)

heavy (chacil ст.)

short (ch'in ст.)

narrow (chux ст.)

thin (chibchib ст.)

full (chokol ст.)

rotten (chonac ст.)

dirty (chacharci ст.)

wet (chul ст.)

dry (chaqi кекчи)

right (chaab'il кекчи)

red (chak чрт.)

green (cha'x мам)

husband (ch'aho(ма) члт.)

mother (chuch киче.)

animal (chon тзол.)

fish (cha-ya чолт.)

bird (chich ст.)

tree (che-e члт.)

rain (chaahk члт.)

lake (cho киче)
guts (choch ст.)
cloud (choq кекчи.)
leg (chek ст.)
knee (ch'ek мам)
liver (ch'och кекчи)
star (che мам)
water (chulub ст.)
fruit (che мам)
flower (nich)
roof (chun ст.)
grass (ch'im мам)
rope (chjaj мам)
meat (chi'pj мам)
mouth (chii ст.)
ash (cha кекчи)
wind (chq'i мам)
smoke (ch'ail тзол.)
night (chaq'ä киче)
to burn (chik' тзол.)

Корневая основа *ch*, так же, как и в первом анализе, связана с водой, только на этот раз она актуализирована в определенной форме воды — в виде дождя. Боги дождя Чаки, в иконографии майя как правило изображаются в виде мелких духов, сущностей, отождествляемых как с дождем, так и с духами предков (см. Прил. 7) В тексте «Дрезденского кодекса» сущности, связанные с Чаками, являются наиболее часто встречаемыми, по подсчетам Э. Томпсона эти божества упоминаются 134 раза (Barnhart 2005: 20). Такое доминантное положение образа дождя вполне объяснимо: как мы уже упоминали выше, все оседлые культуры Мезоамерики, начиная с

древнейших времен, выращивали кукурузу, и в силу этого у них сложились традиционные представления, связанные с предсказаниями о погоде, в которых дождь занимал ключевое место. Этим можно объяснить столь большое количество лексем базового лексикона, имеющих в корневой основе сочетания букв *ch*, *cha*, *chi*, *cho*. Стоит также отметить, что, опять-таки в силу столь масштабной концептуализации этого объекта (дождя), относительно него, в сознании субъектов (носителей этой культуры), представлен целый спектр культурно-специфических качественных характеристик. Так, в зависимости от наличия или отсутствия дождя, словами с аналогичной корневой морфемой являются: значения сухости и влажности; дождя может быть много (слишком много); он может быть большим (сильным); может идти долго; может вызывать тяжелые последствия (как в случае с затоплением мильпы); или наоборот, быть слишком коротким для орошения; струи дождя могут быть тонкими; напоминающими веревки, и т.д. (ср. со знаменитой гипотезой Сепира — Уорфа). Исходя из этой логики, мы относим к полисемичным смысловые отношения, выражающие употребления данной корневой морфемы через прилагательные, которые могут характеризовать качественные свойства дождя.

Дождь — это процесс, доступный непосредственному и продолжительному наблюдению, более того, в сознании субъекта, этот процесс интенционально связан с определенной пространственно-временной характеристикой. Так, дождь всегда идет сверху вниз, и взгляд субъекта, имея определенную точку отсчета, может воспринимать этот процесс как знаковый, то есть интерпретировать одни явления, как выражения (следствия) каких-то других. И при этом естественным образом преобразовывать эти явления в некую материально-информационную форму, которая, если закрепится в сознании коллектива — неизбежным образом найдет отражение в лексике естественного языка. А впоследствии будет сохранена и передана в виде ритуала, обряда и сопутствующих им мифопоэтических образов, которые, например, свяжут эти явления с небом через мифологические представления. Соответственно, ассоциации с небесными явлениями, которые сопутствуют сезону дождей, такими как «*cloud*», «*wind*», «*star*», «*night*» (и, вероятно, по логике, указанной выше, «*roof*»), с позиции этого рассуждения кажутся оправданными. Как минимум первые четыре из перечисленных значений, которые

характеризуют процесс цикличности, мы можем определить в группу семантических отношений с выраженными чертами полисемии.

В следующую категорию мы можем включить свойства дождя, которые проявляются постфактум, это, по всей видимости, пробуждение после сезона дождей элементов животного и растительного мира и всего, что с ними связано: «*animal*», «*fish*», «*bird*», «*fruit*», «*grass*», «*flower*». Гораздо сложнее исходя из данной логики интерпретировать семантические отношения между частями тела («*guts*», «*leg*», «*knee*», «*liver*», «*mouth*», «*meat*»): в текстах культуры мы не находим прямых соответствий этим явлениям, поэтому по умолчанию характеризуем смысловые отношения между корневыми лексемами как омонимические. Пожалуй, наиболее очевидной представляется связь цикличности — сезона дождей — с цветами «*green*» и «*red*», так как широко известно, что каждой стороне света у майя соответствовал определенный цвет: северу — белый, югу — желтый, востоку — красный, западу — зеленый. В модели ойкумены майя, представленной Николаем Грубе (Grube 2012: 286), отчетливо видно, что относительно зоны расселения майя ось эклиптики, то есть воображаемая линия, по которой проходит солнце, расположена с востока «*red*», на запад «*green*», то есть базовые представления о цикличности и солнечном календарном годе, относительно которого велись расчёты и предсказания погоды, напрямую связаны с этими цветами. Учитывая эту специфику, мы относим смысловые отношения между членами этой группы к обладающим чертами выраженной полисемии.

Последняя группа представлена лексемами «*ash*», «*smoke*», «*tree*», и мы в виде исключения добавим сюда также глагол «*burn*» с соответствующей корневой лексемой (*chik*). Как мы упоминали выше, мильповое подсечно-огневое земледелие оставалось стержневым фактором для культур майя на всем протяжении их культурного роста, и исходя из информации предыдущих анализов, неудивительно, что данные лексемы связаны с мотивом дождя. Возвращаясь к тексту эпоса «Пополь-Вух», стоит отметить особенный статус дерева, которое выступает связующим звеном между землей и небом с одной стороны, и символом культа плодородия (богом Ицамной) — с другой, эти соответствия могут являться синонимами к большинству мифопоэтических значений, связанных с культом плодородия. В тексте мифа образ дерева отчетливо выписан в трех сюжетах. В

первом, описанном выше, это дерево, с которого череп убитого близнеца оплодотворяет мать героев-близнецов, Little Blood. Второй сюжет связан с плохими близнецами, описанными во втором анализе этой главы (семья): из-за того, что герои-близнецы не принесли им еды, а попросили их самих лезть за ней на дерево, они в силу своей жадности лезли за пищей так долго, пока не залезли очень высоко, так навсегда и оставшись там — превратившись в обезьян-ревунов. Третий раз дерево проявляется в конце мифа в образе молодого бога кукурузы, который вырастает из «погибшего» семени, и характеризует собой пятую сторону света, новую «цивилизационную» точку отсчета, которую киче осмыслили посредством акта сотворения выраженного в тексте «Пополь-Вух».

Таким образом, мы видим, что в ходе анализа этой группы в семантических отношениях, связующим звеном которых выступает корневая форма *ch*, явления многозначности и полисемии, как и в остальных группировках, превалируют над явлениями омонимии.

3.6. Синтаксически связанные лексемы (фиксированные словосочетания)

Теперь, после рассмотрения базовой лексики, стоит наметить следующие возможные шаги в развитии данной работы. Так, например, нам кажется, что логичным продолжением анализа станет разбор перехода от отдельных лексем к словосочетаниям, которые составлены из этих базовых лексем и присутствуют в тексте, носят доминантный характер в мифопоэтике и текстах «Дрезденского Кодекса» и «Пополь-Вуха». Помимо перехода от доминантных лексем к разбору словосочетаний, мы также видим целесообразным усложнение критериев анализа и разбор значений с позиции мотивированности структуры значения слова. То есть разбор значения не только посредством контекстного анализа, но и посредством разбора мотивировки, указания в форме слова на его значение. Такими формами мотивированности могут выступать фонетическая мотивированность (ономатопея), структурная мотивированность и семантическая мотивированность. Эти подходы более всего подходят для обработки словосочетаний, так как когда речь идет о

словосочетаниях, то значение одного слова в них складывается из суммы значений его компонентов, и их структура может указывать на общее значение уже двух лексем, а не одной из базовых лексем.

Попробуем в этой дополнительной подглаве рассмотреть один пример такого разбора. Как мы уже упоминали выше одним из смысловых значений слова *can* является «змея», а одним из значений корневой основы *tz* является, счет, членение чего-либо на составляющие.

Так в списке, приведенном Дэвидом Бойлом, мы видим следующие виды образов змеи: «Varieties of snake: ahau can, tzab can, ahau tzab can (various name for rattle snake), uolpoch (zoological identification unknown), balam can, ix petel tun, och can, ek u ne, kanal can, tzel can, x- kukil can, chac ib can (coral snake), ix kokob (ferdelance, *Bothrops atrox*)» (Bolles 2003).

Каждое из этих словосочетаний так или иначе находит выражение в мифопоэтике, нас же интересует характер семантической связей змеи *tzab can* (гремучая змея, *Crotalus terrificus durissus*) (см.: Прил. 11).

Во фразе, следующей непосредственно после описания акта творения, *земля* представлена следующим образом: «Подобно туману, подобно облаку и подобно облаку пыли была (земля) при своем сотворении, в начале своей телесности» (Кинжалов 1959: 11). Чтобы попытаться вникнуть в значение этого образа, этот отрывок можно сопоставить с мнением Кнорозова о том, что с древнейших времен майя ассоциировали облака со змеями, чаще всего с удавом («кааш»), чье название созвучно с именем древнейшего бога дождя, насылающего облака («Каш» или «Каш-иш» — несущий дождь). Мотив змеи, удава неслучаен в первую очередь благодаря иконическому сходству очертаний колец змеи и облаков, а также благодаря игре слов «каш» и «кааш» — обхватывать (как удав) и заволакивать (небо облаками). На примере из словаря Кнорозова, ниже, мы видим еще один пример однокоренных слов со схожей семантикой, основанной на сходстве признаков, в частности, что характеристика звука дрожания погремушки змеи имеет общее переносное значение с звуком мелкого дождя *tzabal haa* — «идти мелкому дождю». Тут мы видим явный пример фонетической мотивированности,

где форма передает звучание каких-то звуков, другими словами, имитирует звучание дождя. Слова, имитирующие звуки, зачастую всегда на слуху у носителей языка и являются сами по себе доминантными и часто употребляемыми (ср. русское «бум», «всплеск», или английское «boom», «splash»). Также по Дэвиду Бойлу (цитата выше) можно предположить, что указание гремучей змеи с приставкой «Ахау» (высший, правитель) выражает особую ценность именно этого «равномерного» типа дождя. Таким образом, мы видим, что символизации дождя охватывают весь универсум майя так, как было написано выше, бог Чак (бог дождей), присутствует повсеместно в мифопоэтике фольклорных текстов и в археологических находках (стелах, барельефах, керамике) и восседает в четырех ипостасях, соответствующих сторонам света. (Изображение божеств дождя и гремучей змеи с приставкой «правитель»: Прил. 2, 3, 4, 5, 11; «Эмблемы власти» – иероглифы, сочетающие элементы имени, божеств дождя Чаков со змеями во рту: Прил. 4, 7). Продолжая эту мысль дальше, нужно отметить, что зачастую у майя имена напрямую связаны с символизациями погодных явлений, ведь значительная часть имен правителей включает в себя сочетания слов *Ahau* – «главный», «основной», и *chan, caan* – небо, «чаас», «час» — дождь. Также есть несколько примеров, где имя правителя совпадает с именем верховного жреца, что, предположительно, говорит о том, что это одно и то же лицо, то есть статус правителя институционально содержал в себе и религиозную составляющую. Такая форма правления являлась по сути длящимся на протяжении всей жизни правителя религиозным ритуалом.

4. СЛОВАРЬ ДОМИНАНТНЫХ ЛЕКСЕМ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ПРОСТРАНСТВЕННО ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕКСТАХ МАЙЯ ДОКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Составляя данный словарь (см.: Прил. 14), мы исходим из факта, что слова языковых семей контактирующих языков имеют сходства и различия в составе их элементов, корней, фонем, грамматических элементов (аффиксов, окончаний). Изучение этих характеристик приводит нас к пониманию закономерностей формирования и изменения этих языков во времени. Принимая во внимание закономерности (принципы подробности и смежности), связанные с образованием рядов значений, мы сможем выделить группы слов, связанных с базовыми лексемами, выражающими пространственно-временные значения, помимо перечисленных в списке по методу Сводеша, а также найти формы слов, близкие к общим, древним корням родственных языков майя-киче.

За основу взят «краткий словарь старого языка Майя», составленный Юрием Кнорозовым на основе «словаря из Мотуля», текстов «Чилам Балам» по введенному миссионерами т. наз. «традиционному алфавиту», записанному на юкатекском языке. Кнорозов ставил целью выявить морфемный состав старого языка майя и зафиксировать разговорный лексикон майя начала XVI в. в первую очередь для задач дешифровки, поэтому он не включил туда заимствования из испанского и слова-производные (Кнорозов 158: 1963).

Таким образом, наш словарь позволит не только определить семантические связи между пространственно-временными характеристиками лексем «старого языка», но и более полно описать контекст базовой лексики, лучше понять спектр значений этих слов в момент возникновения и понять какую «картину мира» они формировали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все вышесказанное позволяет нам заключить, что именно «цивилизационный», культурный, характер осознания базовой лексики характеризует многозначность в данных группах лексем как у древних майя, так и у народности киче. В том числе, из составленного нами списка по методу Сводеша мы видим, что киче использовали в тексте мифа «Пополь-Вух» заимствованную базовую лексику «старого языка» примерно, в половине случаев, в то время как в описанном нами списке корневых морфем за редким исключением слова заимствованы из лексикона «старого языка» майя, описанного Кнорозовым, либо из тех сообществ, которые жили на территории расселения майя до или в одно время с киче. Это дает некоторые основания для утверждения о том, что стержневая лексика и мифопоэтическая традиция оставались доминантными в период киче. В том числе мы можем выдвинуть предположение, что такой же характер изменений эти элементы мифопоэтической лексики претерпевали со времен архаики, в ходе заселения территории культурного роста племенами, условно называемыми «майя», которые сформировали в ходе исторического процесса языковую семью майя-киче.

Обращаясь к периодизации, стоит отметить, что на некоторых весьма продолжительных по времени этапах (доклассическая, классическая и постклассическая эпоха) эти мифологические сюжеты переживали стадии интенсивного развития, что, тем не менее, сохранило в тексте мифа базисные представления до поздней постколониальной эпохи с некоторыми существенными

изменениями в сюжете (сюжет сотворения мира, описанный в «Пополь-Вухе» и характер взаимоотношений пар близнецов).

Что касается вынесенных на защиту предположений, то мы можем сказать, что изучаемые лексемы характеризуются семантической структурой, содержание которой группируется вокруг набора из как минимум пяти базовых корневых морфем, которые отавались доминантными в мифопоэтической лексике до новейшего времени. Основываясь на исследовании, стало очевидным, что словарно-семантические структуры эпоса «Пополь-Вух» и манускрипта «Дрезденский Кодекс» действительно имеют сходство: это, отчасти, альтерации богов, представленных в акте сотворении мира (Творец, Близнецы, Ицамна), присущие акту творения свойства и качественные характеристики ритуальных предметов и артефактов, общее значение погодных явлений и отчетливый отпечаток мотивов, связанных с практиками подсечно-огневого земледелия и атрибутами власти. С другой стороны, очевидные различия заметны в структуре повествования, наблюдается двойная редупликация героев (одна пара присутствует в списке кодекса и восемь пар присутствуют в тексте эпоса), также присутствует параллелизм числовых значений и прилагательных, семантический характер которых носит признаки метонимии. Тем не менее, мы видим, что значительное количество божественных сущностей, выраженных в тексте Пополь-Вух, не отражены в тексте Дрезденского кодекса: так, боги Чаки, которые в тексте кодекса упоминаются 143 раза, в тексте эпоса не упомянуты ни разу.

В ходе исследования стало очевидным, что имеются четкие черты зависимости правил функционирования календарных практик от использования пространственно-временных лексем в текстах, это, в первую очередь, пространственная схема игры в мяч, характер которой отражает цикличность представлений о времени, несомненна и мотивированность в использовании прилагательных, означающих стороны света (красный – зеленый) и числительных (четыре, один, семь, и все числа, кратные 20).

Развитие данной работы мы видим в последовательном усложнении методики анализа, путем охвата более сложных категорий семантических отношений и перехода к исследованию словосочетаний нескольких базовых лексем, имеющих в совокупности одно общее в мифопоэтике значение.

БИБЛИОГРАФИЯ

Апресян, Ю. Д. 2006. *Языковая картина мира и системная лексикография*. Москва: Языки славянских культур

Березкин, Ю.Е. 2007. *Мифы заселяют Америку*. Москва: Нация и культура

Вежбицкая, Анна 2001. *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Москва: Языки славянской культуры

Веселовский, А. М. 1989. *Историческая поэтика*. Москва

Виноградов, И. А. 2012. *Аспектуальные системы языка майя*. Институт лингвистических исследований РАН

Давлетшин, А. И. 2011. *Современные методы и инновационные подходы в изучении письменных культур доколумбовой Америки*. РГГУ

Online available:

<http://rggu.ru/upload/main/science/KADRY/14.741.12.0146%20%D0%BE%D1%82%2006%20%D0%B8%D1%8E%D0%BD%D1%8F%202011%20%D0%B3..pdf>

Ершова, Г. Г. 1990. *Майя-киче языки*. – *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.

Ершова, Г. Г. 2002. *Легенды, мифы и сказки индейцев майя* Москва: Изд-во РГГУ

Кибрик, А. Е. 1993. Родственные языки как объект типологии. Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. Москва, С. 16 – 25

Кинжалов, Р. В. 1993. *Пополь Вух*. Ладомир: Наука.

Кнорозов, Ю.В. 1963. *Письменность индейцев майя* Москва - Ленинград: Академия наук, Издательство Академии наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая

- Кнорозов, Ю.В.** 1975. *Иероглифические рукописи майя* Ленинград: Наука
- Корнилов, О. А.** 2003. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. Москва: ЧеР
- Кронгауз, М.А.** 2001. *Семантика: Учебник для вузов* Москва
- Ланда, Диего де** 1994. *Сообщение о делах в Юкатане*. / Пер. с староисп. Ю. В. Кнорозова. Москва: Прогресс.
- Лотман, Ю. М.** 1998. *Структура художественного текста*. СПб: Искусство
- Нересов, Я. Н.** 2004. *Мифы Центральной и Южной Америки* Москва: АстрельАст
- Плунгян, В. А.** 2011. *Введение в грамматическую семантику*. Москва: РГГУ
- Попова, З.Д.; Стернин, И.А.** 2007. *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ, Восток-Запад.
- Талах, В.М.** 2009. *Стилистический словарь мови ієрогліфічної писемності майя*. Киев
- Топоров, В.Н.** 2006. *Исследования по этимологии и семантике*. Москва: Языки Славянских Культур
- Трещева, Е. Г.** 2012. *Имена ситуаций-событий и типология их ассоциативных полей*. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Online available
http://www.sgu.ru/sites/default/files/dissnews/old/synopsis/Trescheva_0.pdf
- Фрейденберг, О.М.** 1997. *Поэтика сюжета и жанра*. Москва: Лабиринт
- Цивьян, Т. В.** 1985. *Этнические стереотипы поведения*. Ленинград: Наука.
- Шмелев, А.Д.** 1997. *Языковая концептуализация мира*. Москва
- Элиаде, М.** 1987. *Космос и История*. Москва: Прогресс.
- Aveni, Anthony F.** 1992. *The sky in Mayan Literature*. New York: Oxford University Press.
- Beukers, Laura** 2013. *The Maya Ceramic Book of Creation The Trials of the Popol Vuh Hero Twins Displayed on Classic Maya Polychrome Painted Pottery*. Leiden
Online available
<https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/21576/thesiscompleet.pdf?sequence=1>
- Bolles, David** 2003. *The mayan franciscan vocabularies: a preliminary survey*. FAMSI
Online available <http://www.famsi.org/research/bolles/franciscan/FranciscanVocab.pdf>

- Christenson, Allen J.** 2001. *Art & Society in Highland Maya Community*. University of Texas
- Christenson, Allen J.** 2007 *Popol Vuh: Sacred Book of the Maya People*
Online available <http://www.mesoweb.com/publications/christenson/popolvuh.pdf>
- Ciudad Real, Antonio de** 1577. *Diccionario de Motul, maya español* Motul, Mexico: s.n.
- Ishihara, Reiko** 2009. *Deities of the ancient maya. A guide for the 3rd Maya at the Playa workshop*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Kassian, Alexei; Starostin, George; Dybo, Anna; Chernov, Vasiliy** 2010. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship: Russian State University for the Humanities* P.
- Klein, Naomi** 2002. Farewell to the End of History: Organization and Vision in Anti-Corporate Movements. *The Socialist Register*. London: Merlin Press, 1-14.
Online available <<http://socialistregister.com/index.php/srv/article/view/5774/2670>>
- Newsome, Elizabeth** 1993. *Precious Stones of Grace. Theory of the Origin and the Meaning of the Classic Maya Stelas*. University of Wisconsin.
- Online available <http://www.mesoweb.com/pari/publications/rt10/Precious.pdf>
- Niederene (Trier), Hans-J.** 2004. *Missionary Linguistics/Lingüística misionera: Los misioneros Españoles y el estudio de las lenguas mayas*. Oslo: John Benjamins publishing Co
- Nirenberg, Sergei; Raskin, Victor** 2004. *Ontological semantics*. The MIT Press
- Nordhoff, Sebastian; Hammarström, Harald; Forkel, Robert; Haspelmath, Martin,** eds. 2013 *Quichean*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology.

RESÜMEE

Käesoleva uurimistöö teema tegeleb maiade kalendri uurimisega erinevates valdkondades. Selle teemavaliku aluseks on kolme eelmist maiade kalendrisüsteemiga seotud uurimistööd: „Mesoameerika kalendri päritolu“ (2008), „Maiade kalendri pealdiste sümboolika Copani steelidel“ (2010) ja „Klassikalise perioodi maiade kalendri semiootika“ (2011). Need uurimistööd tegelesid täpsemalt järgmiste probleemidega: Kesk-Ameerika elanike „maailmapildi“ keeleline kontseptualiseerimine; antud regiooni kiri; mütoloogia (mütopoeetilised aspektid) ja sellest lähtuvad kalendrisüsteemide funktsionaalsed eripärad. Siinse uurimistöö põhiteemaks on käsitletavate tekstide leksikaalsete baaselementide tähenduse uurimine, nende elementide omavahelised seosed ning nende elementide funktsioonid tekstides. Neid on analüüsitud peamiselt leksikaalse semantika seaduspärasuste iseloomulike joonte kaudu ning vaadeldud lingvistilise semantikaga seotud distsipliinide – leksikoloogia ja lingvistilise tüpologia – perspektiivist.

Selleks tööks on koostatud Svodeshi meetodi järgi tehtud lekseemide loend (kokku üheksa rida), kus on viis rida, mis on võetud Svodeshi loendist (Kiche, Qeqchi, Tzotzil, Mam, Jukategi keeled) ning neli rida on juurde lisatud.

Meie poolt on lisatud järgnevad read: Viktori Telahi majade hierograafilise kirja sõnastikust üks rida, Juri Knoroovi maiade "vana keele" sõnastikust teine rida ning veel kaks rida on koostatud baaslekseemide näidistest "Popol Vuhi" ja "Dresdeni koodeksi" tekstidest. Kokku on valitud ja läbi töödeldud ümbes tuhat lekseemi.

Peale selle puudutab see uurimus kultuurilise tähendusega seotud probleemistikku, kuid ei sea endale eesmärgiks ajaloolise kronoloogia ega kõnealuste lekseemide loomuliku

foneetilise ja morfoloogilise fikseerimist.

See uurimistöö arendab järjekindlalt edasi eelnevates uurimistöodes sisalduvaid mõtteid ja probleemistikku, lisades materjali käsitlemisel olemuslikult uusi aspekte. Selle töö põhieesmärgiks on märkida dominantsete leksikaalsete ühikute spektrum dominantsete lekseemide võrdanalüüsi abil, lähtudes lingvistilise tüpologia andmetest ning maiade „maailma loomise“ mütologeemist (klassikalisest perioodist kuni koloniaalperioodini, „Dresdeni koodeksi“ ja „Popol Vuh“ tekstide alusel.

Svodeshi loendist valiti viis juurt, mis ühendavad nende viie juurega seotud lekseemide grupi. Selle analüüsi kaudu valiti välja need lekseemid, mis on mitmetähenduslikud või homonüümsed. Sõnamoodustamise aspektide fikseerimise kaudu saame me registreerida muutusi antud lekseemide tähenduses klassikalisest perioodist kuni koloniaalse perioodini (kaasa arvatud). See tähendab, et valitakse välja sõnad ja väljendid, mis on otseselt või kontekstuaalselt ajalis-ruumilise iseloomuga. Arvestatud on ka sõnade tähenduslike variatsioonidega, mis sõltuvad kontekstist ehk kuidas nad on konkreetsetes tekstis kasutatud.

Uurimuse lisaeesmärgiks on kalendri sümboolika baas/dominantsete lekseemide temporaalsete aspektide iseloomujoonte määramine. Tulemuseks on keelelis-kulturooloogiline (nn „vana maia keele“) lekseemide sõnastik, mis on koostatud nende omavaheliste seoste ja piirnevastel printsiipidel.

ПРИЛОЖЕНИЯ

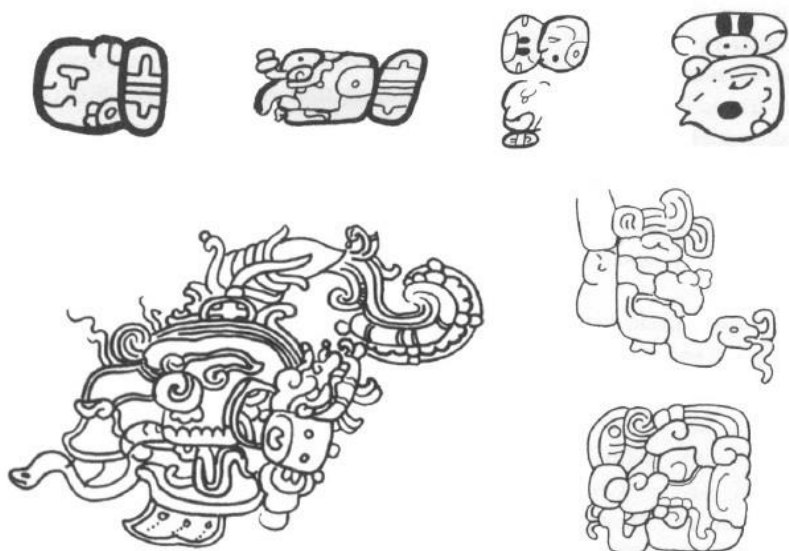
Прил. 1

Кецалькоатль со змеем. Легендрный правитель тольтеков, центральная фигура в мифологии нахуа (поздняя постклассическая эпоха — 16 в.).

Прил. 2

Иероглифы имен (именные эмблемы власти), (ранний классический период — постклассический период). Сочетают элементы змей, связанных с носом и ртом. Нижняя слева фигура с пылающим змеем изображена на поясе правителя из Уахна (600 BC — 900 AD), (Ishihara 2009: 10).

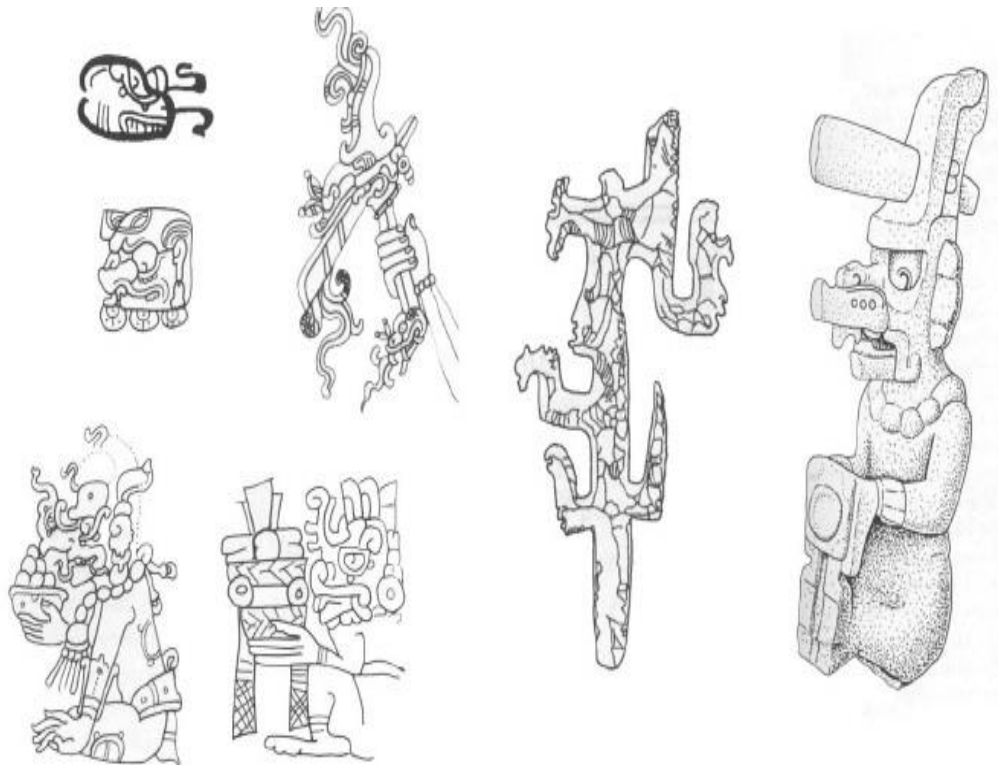
Прил. 3

Иероглифы имен (Дрезденский и Мадридский кодексы), (Ранний классический — поздний постклассический период). Символизируют молодого майсового бога, с включением в имя иероглифического знака, изображающего маис, в переводе «ixim» — семя. Этот Бог символизирует одновременно жизнь и смерть, и отсылает к образу отца Героев-близнецов — Hun Nuhuhri, который был обезглавлен во время ритуальной игры в мяч в потустороннем мире майя — Шибальбе. (Ishihara 2009: 15)

Прил. 4

К'awiił – Бог-покровитель царских династий (God K), (ранний классический период – поздний постклассический). Священная небесная сущность, появляющаяся как Бог Чак в виде дымящегося змея-духа «Священного топора»; часто со сверкающим зеркалом, символизирует дождь и маис. Ассоциируется с элитным происхождением и династическими родословными правителей, в поздний и постклассический период может появляться с крыльями. Возможно, ассоциируется с Тескатлипокой — у ацтеков бог «дымящегося зеркала» (Мадридский кодекс), (Ichihara 2009: 24).

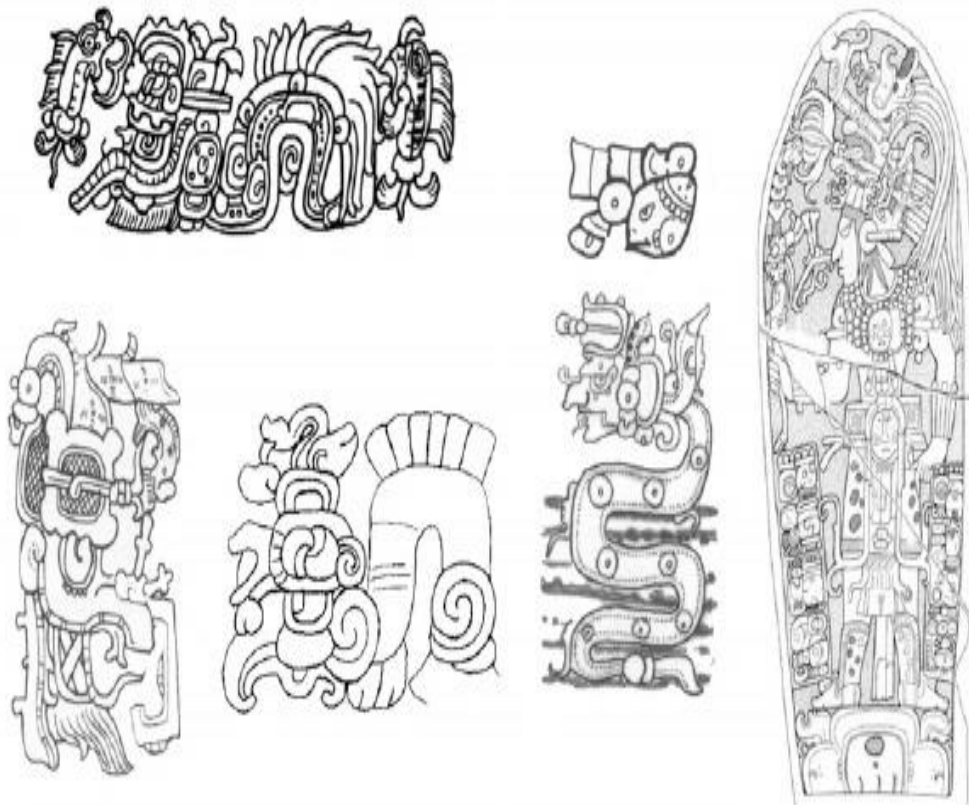
Прил. 5. Различные символизации земных вод (рек, озер, сенотоа, моря). Персофицированное число 13 и период в 360 дней — тун (второй иероглиф слева, внизу). Ассоциируется с Чаками и различными типами воды. Олицетворяется правителями разных городов в течение классического периода. Водный змей с лицом божества воды — Чака, совмещенный с иероглифом имени.

FIG. 12.—ANOTHER REPRESENTATION OF THE ELEPHANT-HEADED RAIN GOD. HE IS HOLDING THUNDERBOLTS, CONVENTIONALISED IN A HAND-LIKE FORM. THE SERPENT IS CONVERTED INTO A SAC, HOLDING UP THE RAIN-WATERS.

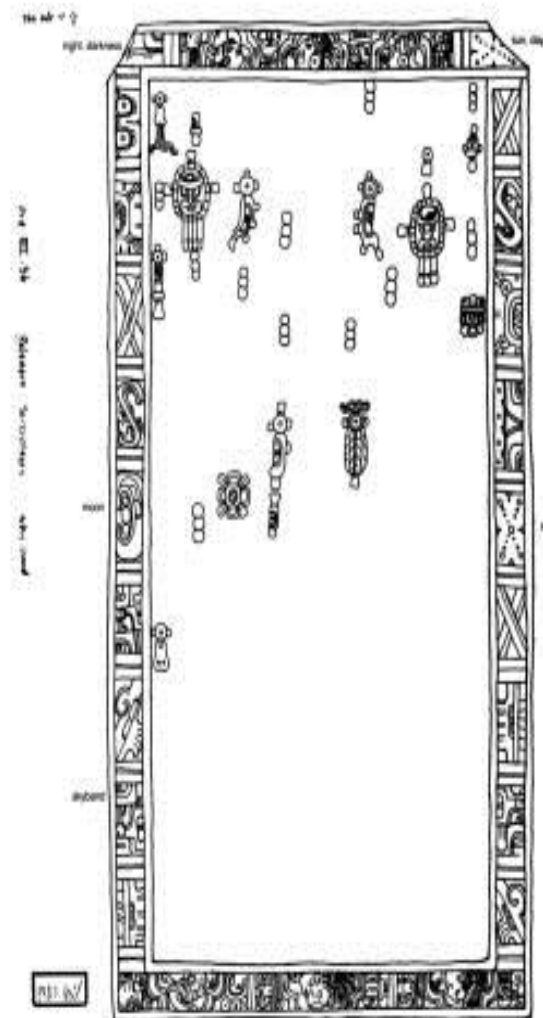
Прил. 6

Различные символизации земных вод (рек, озер, сенотоа, моря). Персофицированное число 13 и период в 360 дней — тун (второй иероглиф слева, внизу). Ассоциируется с Чаками и различными типами воды. Олицетворяется правителями разных городов в течении классического периода. Водный змей с лицом божества воды — Чака, совмещенный с иероглифом имени (Дрезденский кодекс), (второй справа).

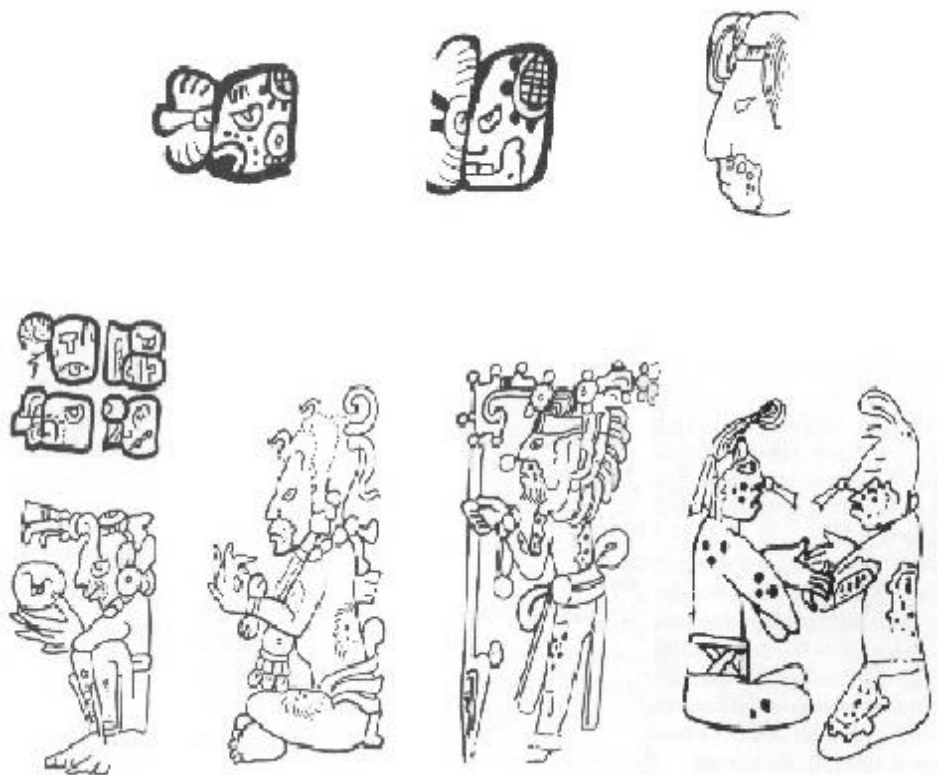
Прил. 7

Боги дождя Чаки (поздний доклассический период — по настоящий день), символизируются образы дождя и света. Одни из основных сущностей в иконографии майя. Часто и в разнообразных интерпретациях изображаются в кодексах. Ассоциируются с войной и человеческими жертвоприношениями, близко ассоциируются с богом К'awiil (Ishihara 2009: 9).

Прил. 8

Один из героев близнецов – Уах В’ахлам (поздняя классическая — ранняя колониальная эпоха). Сущность, специфическая для иконографии в области расселения майя. Носит знак правителя «Аjaw»; ассоциируется с числом девять. Изображен: в Дрезденском кодексе в виде головы стр. 29 (наверху в центре); как иероглиф имени – в Мадридском кодексе 1004b (вверху слева); на барельефе из штука в Паленке (вверху справа); в Дрезденском кодексе в виде фигуры с отметками ягуара на лице и теле (снизу, второй слева), (Ishihara 2009: 22). Парная фигура изображает «Героев близнецов» Уах В’ахлам (слева; ранний классический период; сеть подземных пещер «Naj Tunich»; Гватемала (200-250 А. Д.), (Ishihara 2009: 22).

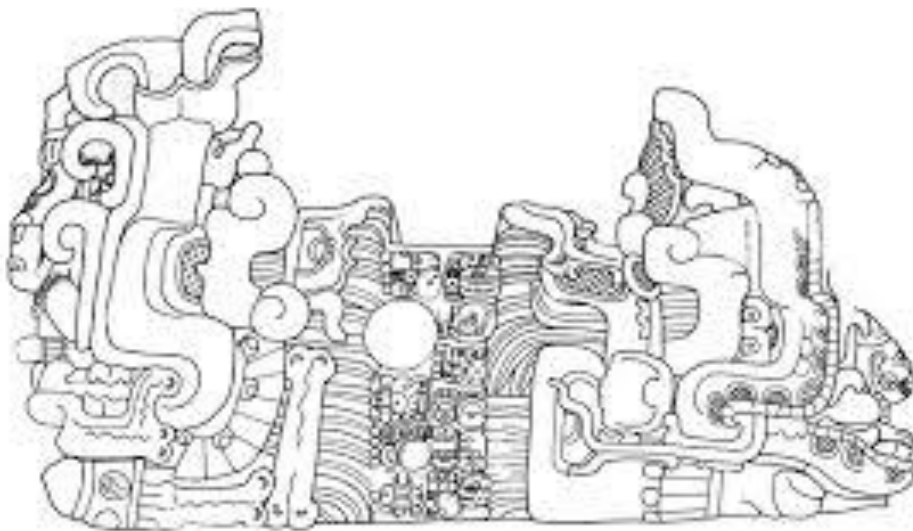
Прил. 9

Второй из «Героев близнецов» Ju'n Ajaw, лишившийся головы во время противостояния с богами Шибальбы в «доме летучих мышей». Носит черные отметины-пятна на лице, зачастую – такие же пятна находят в изображениях мертвецов, может носить знак смерти на голове. Изображается: как элемент оформления керамики (поздняя классика) (вверху слева); как постклассическая версия иероглифа имени (Дрезденский кодекс 2а (внизу, обе слева)); в ранней классике (вверху справа). (Ishihara 2009: 31)

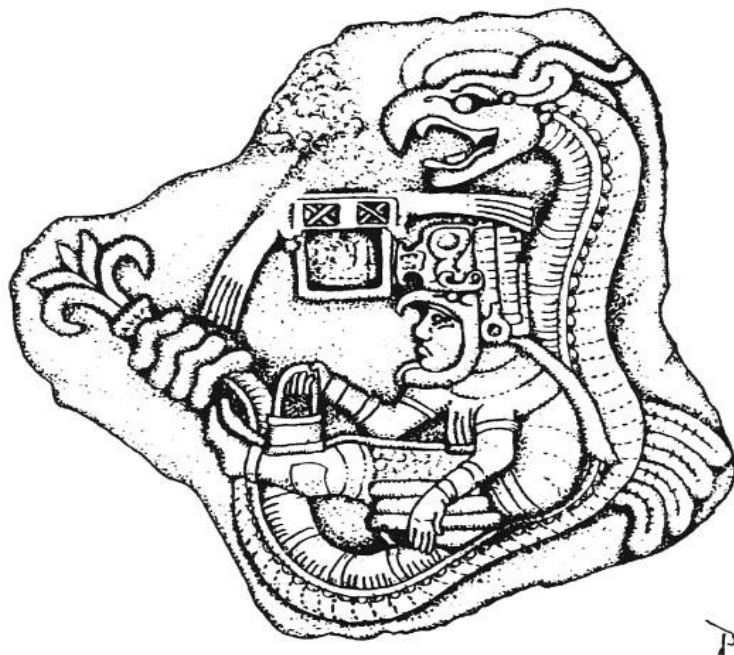
Прил. 10

Изображения «Бога Творца»; K'awiil; двухголовый крокодил с лицом бога (Copan, Late Classic).

Прил. 11

Ольмекская скульптура из места Ла Вента, штат Тобаско. На данный момент наиболее раннее реконструированное изображение пары символов «жрец» и «гремучая змея» (доклассическая эпоха), (Douglas 2001: 48).

Прил. 12. Список сокращений и транслитерации к списку Сводеша

Примеры вариантов написания в источниках;

Способы передачи фонем майя буквами традиционного алфавита и в транскрипции разных авторов (Кнорозов 1963: 160)

Сокращения названий языков:

classic — язык классической эпохи (по Телаху)

юк. — юкатекский

диал. — диалект

чрт. — черти

члт. — чольти

ма — мам

7 — с

Прил. 13. Список составленный по методу Сводеша.

№	<u>Englis</u> <u>h</u>	K'iche' (Christ enson)	Q'eqc hi'	Tzotzi l	Ma m	Yuc atec	Dr, Codex	В Пополь- Вух	Старый язык(К)	Телах
1	<u>I</u>	in	laa'in		náya	teen		na	ten	i-ni
2	<u>you</u> (singular)	at, la (form al)	laa'at, at	vo7ot	jay	teech		la	a, tech	A
3	<u>he</u>	are', aj	ha'an, a'an		ja	leti'		u(his)	y	ti, chi, y
4	<u>we</u>	uj, oj	laa'o, aa'o, ha'o	vo7oti k, vo7oti kotik (ex.)	jo, jóya (ex.)	to'on		uj,oj		
5	<u>you</u> (plural)	ix, alaq (form al)	laa'ex	vo7os huk	jey	te'ex		Ix		
6	<u>they</u>	e'are'	eb', teb'		je	leti'o' ob				
7	<u>this</u>	wa', are', we	ha'in, a'in	li7	jlu	lela', le je'ela ,		wa, we	he, la	ha-a, ha'
8	<u>that</u>	le	wan le'	tah, ti		lelo', le je'elo ,		la,wi	heklay (этот, который)	hi-na, hiin wa
9	<u>here</u>	waral	arin, ayi', sa'in	li7	tzalú	waye ,		waral	uay	ahana, a-wa- ya, ya, (Wa- ya юк.)
1	<u>there</u>	chiri',	le'	tah,		tolo'		chiri',	I,	

0		chila'		le7, te			k'ut	te, ti	
1 1	who	jachin	ani	buch'u	al	máax	acha, alom	mac, max	
1 2	what	jas	k'a', k'aru	k'u	ti'	ba'ax		ah bahal' (тот который)	
1 3	where	jawi	b'ar	bu	ja'	tu'ux	awi, are		b`a- ya, b`ay
1 4	when	jampa	joq'e	k'u 7ora	jtoo (past) , jtoj (fut.)	ba'ax k'iin	ta	ca, lic	Baah
1 5	how	jas modo	chan ru	k'u cha7al		bix	jupacha	bacin	I
1 6	not	b'i, ma, ja'i'	ink'a', moko ... ta	mu		ma'	ma	ma	
1 7	all		anchal , rek', chi junil	kotol, labal		tulaa k	ronojel, konojel	cono	
1 8	many	k'i	k'i, k'ihal, mayal ok	7ep	nim	ya'ab	k'i	ban, zacach, zenpech, chac, hach, hunac, yaab, nach ox yaabach	hux (classi c)
1 9	some		junaq, ka'b'a yaq, k'a'na					Ua bahun	

2 0	few		kach'i n, ink'a' k'i, b'ab'a y	hay		junp' íit	chi	tzatza, yacal, kaz, memel	
2 1	other		jalan, jun chik	yantik		ulaak	Chi, kib	chay, uchay, uyanal,	
2 2	one	jun	jun	hun	jun	hun	jun	ħun	Juun (члт.) jun(ю к) hun (чрт)
,	two	kaib'	ka'ib', kwib', kiib'	cha7	káb' a	ka'a	caib	ca	ka'
2 4	three	ox	oxib'	7osh	óxa	óox	ox, oxib	ox	Hux
2 5	four	qa'jib	kaahib ,	chan	chája	kan	kaj	can	Kan, ka-na
2 6	five	o', jo'ob', job'	oob', hoob'	vo7	jwe'	ho	O	ħo	
2 7	big	nima	nim	muk'	matí' j	nojo ch	nima	chac, chacal, noh, nohoch, nuhuch pen, ppencach ,	Laca m-ma chak (юк.)
2 8	long		nim xkela m	bitzbit z, tz'upu l	nma k	chow ak	Najt	zuoɔ, chauac, nach	Tsak

2 9	<u>wide</u>		nim ru	hamal	la'n, nim twitz			habanac, coch,	Laca m (юк.)
3 0	<u>thick</u>	tzatz	nim xsa'	pim	cho't , la'n, tziq'		tzatz	nuc, nucuch, pem, poocach, poloc	nu-ku. Nuk (члт), nukta (чрт)
3 1	<u>heavy</u>	al	aal	7ol	- (t)áli l	áal	ol	al, chacil, talan	
3 2	<u>small</u>	ch'uti	kok', ch'in	bik'it	ch'in , nux, nuch	chan	ch'uti	æ, chu, hoyan, mehen,	
3 3	<u>short</u>	uq	tupus roq	tzapo	ch'in twe'			Coc, com,	
3 4	<u>narrow</u>		kok' ru	japajti k	ch'in twitz			ɔuuz, chux, huthan, nath, thul, uch	
3 5	<u>thin</u>		b'aq	hoy	xaxj			chibchib	
3 6	<u>woman</u>	ixoq	ixq	?antz	xuj	ch'up , ko'ol el	ixoq	chup, ix, ix chup, ah al	ix-i- tsa (ица), ixik (члт) ixic (чрт)
3 7	<u>man</u> (adult male)	achij	teelom	mol	xína k	xiib	aj, ach	icham	A, aj, winik(члт), uinik

									(чрт)	
3 8	man (human being)	winaq	winq, poyanam	vinik, krischhano	xjaal	maak		winac	uinic, chab, pizcab,	Winik
3 9	child (a youth)	al	al	7olol	al, k'waa		xib	al	al, alan, baal nak (в чреве), chas uen (грудн.), choo, paal,	al (чрт)
4 0	wife	kixoq il	ixaqil	7ahnial	xu'l	atan	yata n, atan	rixocil	atan, ix haah (жена началь- ник), ah ichaam (замуж- няя)	a-at- na(юк)
4 1	husband		b'eelom	malalil, mol	chmil	iicham		ah atan,		Ch'a- ho- (ма) члт.
4 2	mother	chuch	na'	me7il	txu	na'	Blood Moon (стр. 118)	Chuch, na	na, naa	Ом юк. naah.
4 3	father	qajaw	taat, yuwa'	totil	man	yuum	the Maize God (стр.1 1)	qajaw	ah baal na, ah ix mehennal, citbil, yum, tat.	chit, chi-ta, chi-ti
4	animal	chiko	xul	chon	alam	ba'al	(стр.	chikop	alak.), bolay	

4		p			áj	che'	16)		(хищ.), xatnal (четверо ногое), koh (зверь)	
4 5	fish	kär, sa'y	kar	choy	kixh	kay		kar	caу	cha- ya, chai (члт.), chay (чрт.)
4 6	bird	tz'ikin	tz'ik	mut	ch'it	ch'iic h'	God L (bird god стр. 12), mut	tz'ikin	chich, mut (вешая)	Mu-ti, muut (чрт.)
4 7	dog	tz'i'	tz'i'	tz'i7	txya' n	peek'		tz'ul	tzul, pek	tsu-lu, tsul юк.
4 8	louse	uk'	uk'	7uch'	squk ,	uk'			ppa, uk	
4 9	snake	kumat z	k'anti'	chon	lb'aj		(стр. 26, 100)	kumatz	can	Kan, kan- na kan-ti (юк. диал.)
5 0	worm		kuluk	shuit					Lukum (земл.), nok	
5 1	tree	che'	che'	te7	tze', k'uul	che'	K'ak te tun „fire three stone “	che'	te	Che-e, che' (члт.)
5 2	forest	k'che' laj	k'iche '	te7tik, 7osil	txhik 'úul	ka'ax		K'eche'laj	kaax, kax	
5 3	stick (of		ruq' che'	k'obol		junts' íit	1 Mani k, day		ah	

	wood)					che'	of fire stick, upon it alma mach begin s		
5 4	fruit	wächi nik	u	satil	lo'pj	ich, u yich che'			
5 5	seed	b'aq'	iyaj	bek'	íyaj		i'na h	hinah, kikel, xex	
5 6	leaf	xuxaq che'	xaq	7anal	txaq			lee, ual	
5 7	root	xe'	xe'	7ibel	(t)lo k'		God N (стр 13)	xe'	chun, motz, wi, wi', (юк.) wi'r (чрт.)
5 8	bark (of tree)		rix che	patil				co, coo, zool, zol,	
5 9	flower	kotz'i' j	uutz'u' uj, atz'um	nich	ab'é ch	lool	nik(стр. 8)	lol nic nichte	atik, book, ja-na, han (члт.)
6 0	grass	k'im	pach'a ya', ichaj	hobel	ch'i m			zuuc, xiu,	
6 1	rope		k'aam	laso	chjaj	suum		zum, zuum, hun bal- (единая веревка)	ко-ре- ма

								kaan, tab, taab	
6 2	skin (of a person)	tz'u'm al, chirij	tz'uu mal	nukul	tz'ú mal	óot			
6 3	meat (as in flesh)	ti'ij, tio'jil	tib'	ti7bol, bek'et	chi'p j	baak		bak,	
6 4	blood	kik'	kik'	ch'ich ,	chik' y, txhi'	k'íik'	xkik	kik kikel, olom	o-lo- mo, ohlom olom (юк.)
6 5	bone	b'aqil	b'aq	bak	b'aa q	bak'		bac, baac	b'aak, b'ak (чрт.)
6 6	fat (noun)	kab'c hiyal	mante ek	hup'el		polo k		Tzatz, ek, pip	
6 7	egg	saqm o'l	mol	tanal	jos	je'		he,	
6 8	horn		xukub'	shulub				bac, baac, xulub	
6 9	tail	je'	ye	neil	(t)je'			ne	
7 0	feather (rather not down)		rismal xul, xik'	k'uk'u mal			q'uq	kukum	
7 1	hair	rismal , wi'	ismal	tzotz, tzatzal	tzma l (t)wi ,	tzo'tz		tzotz, pol	
7	head	jolom	jolom	holol	wi'	pol		hool, pol,	

2							
7 3	<u>ear</u>	xikin	xik	chikini l	xkin	xikin	xicin
7 4	<u>eye</u>	b'aq' u wach	(sa') u, (xnaq') u	satil, yashav o7	tb'a' (t)wi tz	ich	ich, pacat,
7 5	<u>nose</u>	tza'm	u'uj	ni7	txán b'aj	ni'	ni, nii
7 6	<u>mouth</u>	chi'	e	7eal	tzi	chi'	chii, chi
7 7	<u>tooth</u> (rather not molar)	we', re'	e	7eal	witx (w)e		co, chaam,
7 8	<u>tongue</u>	aq'	ru'uj aq'	7ok'	aq'	aak	ak, leo
7 9	<u>fingern ail</u>	jurub' sab'äl	ixi'ij	ni7 7ich'a kil		ichki il	
8 0	<u>foot</u>	aqan	oq	7okol		óok	ok, ok-ko (ЧЛТ) ok (ЧРТ.)
8 1	<u>leg</u>	a'	a'	7akani l		óok, u muu k óok	chek, ok, teel
8 2	<u>knee</u>	ch'ek	aq	k'uhav	ch'e k		
8 3	<u>hand</u>	q'ab'	uq'm	k'abal	q'ab'	k'ab	kab, k'a- b'a (ЧЛТ.), k'ab (ЧРТ.)

8 4	wing	xik'	xik'	shik'		xiik'			zik, xik
8 5	belly	pam, jupuli k	sa'	tzukut	k'u'j	nak			tzuc, nak, taa
8 6	guts	ixk'ol	k'amk' ot, sooyo m	bikil, tzo7					choch
8 7	neck	qul	kux, ja'aj	bikil, tzo7		kaal			
8 8	back	ij, pak'al ik	ix	patil	xyop	naac h			pach
8 9	breast	tu', tz'um	tu'	chu7il		iim			Im (женск.), tam
9 0	heart	k'u'x	ch'ool	7o7oni l	ánm	puksi 'ikal	k'u'x	ol, puc zical	o-la ki (чрт)
9 1	liver	seseb'	ch'och'	sekub		taam an			
9 2	to drink	qumu nik	uk'ak	7uch'	k'an	uk'ik			hap
9 3	to eat	wa'im	tzakan k, wa'ok, tiwok	7ochan, lahes, ti7	waa' n	hanal			chibal, mak, uii
9 4	to bite		qachok	tzak, ti7					chibal
9 5	to suck		tz'ub'u k	tz'utz'					chuch
9 6	to spit		chuub' ak, chuub' ank	tubah					ɔuccinta h

9 7	to vomit		xa'wa k	shen		xeej	xe, xee
9 8	to blow (as wind)		apuun k				uzut
9 9	to breathe		musiq' ak	7ich' 7ik'			ik
1 0 0	to laugh		se'ek	tze7in		ch'e'e j	cheeh
1 0 1	to see	il, ka'yi k, ka'yej	ilok	7il, 7ilbe sat, k'ot sat		il	nac chaan
1 0 2	to hear	ta, tatab' enik	ab'ink	7a7i	b'i'n	u'uy	uban
1 0 3	to know (a fact)	eta'm	nawin k	na7, tz'ak, 7ohtik in	alón, tzqi' n	ojel	naat, ohel
1 0 4	to think	chom anik, no'jin ik	k'a'uxl ak	7a7i, na7		tuuk ul	
1 0 5	to smell (sense odor)	chuwi nik	utz'uk	7a7ibe 7ik'			zam
1 0 6	to fear	xej	xiw	shi7el ba	xob'		хібенас (испуганны й)
1 0 7	to sleep	wara m	wark	vay, bat ch'ulel		wene l	uenel
1 0	to live	k'asi' k	na'ajin k	naki, kushul	najl		cahal, cahtal,

8							
1							
0	to die	kamik	kamk	cham	chim	kiimi l	cimil, zipil
9							
1					(kub)		
1	to kill	kämis aj	kamsi nk	mil	b'yo n	kiins ik	cimzah
0							
1				tahin,			
1	to fight		ch'e'ok	tzak bail			mocba
1							
1	to hunt		yohob'				chuuc bak,
1	(transitiv e)		k				
2							
1					(ok)	jaats'	
1	to hit		b'ujuk, ketok	mah, bah	pjun	ik	lox
3							
1				boh, tuch'		xoot	
1	to cut		kuruk				hoth
4							
1							het, kaah, kah, thoh
1	to split		kiib'an k, jachok	hav, t'ah			
1							
1	to stab		xeq'ok	pahbe			
1	(or stick)						
6							
1	to		q'oyok				hutz, lach, xepp
1	scratch		,	hot'			
7	(an itch)		parok				
1							
1	to dig	k'oto	pikok, aq'ink, b'ekok	ch'oh, hok'			lom-pan- tah, pan
1							
1	to		numxi	nushih		baab	baxal haa, taahal
1	swim		k				
9							
1	to fly	ropop	rupik,	vil			
2							

0			purik			
1		b'ine				benel,
2	to walk	m	b'EEK	shanav	xíim	binel,
1					bal	ximbal
1			chalk,			hulel,
2	to	chul	k'ulun	tal	taal	kaxal,
2	come		k			talel
1	to lie		sotlaa			
2	(as on		k,	puch'e		pecmal,
3	one's		yoklaa	tah		
	side)		k			
1			chunla			
2	to sit		ak,	tzuni	kule	cutal,
4			woq'la		n	thuchul
			ak			
1			xaqlii			
2	to		k	noch'		
5	stand					
1	to turn		b'alq'			
2	(change		usink,	hoysihe		ualkahez
6	direction		q'otok	s		ah
)					
1	to fall		soq'e'k			ɔanal,
2	(as in		,	tishk'u	luub	ɔucul,
7	drop)		tob'b'a	h, p'ah	ul	lubul,
			k			otol
1						
2	to give		k'ehok	ʔak'		ɔa
8						
1	to hold		q'unu			
2	(in one's		k	tom		et,
9	hand)					loch
1	to		pitz'o			Huhuchi
3	squeeze		k,	pitz'		cinah,
0	e		yatz'o			motz,
			k			moch,
						otz
1	to rub		jilok,	biulan		zuz,
3						

1			b'iqok				yach
1			ch'ajo				Ichinah,
3	to wash		k,	pok,			poc,
2			puch'u	chuk'			ppoo,
			k				
1							
3	to wipe		mesok	kus			
3							
1			jukun				
3	to pull		k,	nit			
4			kelonk				
1			minok	shuh,			
3	to push		,	net'			
5			tiikink				
1			pumu				pul,
3	to		k,	hip,			tohol,
6	throw		puules	ten			zopp-
			ink				cab-tah,
							pic-chin-
							tah
1			b'ak'o				
3	to tie		k,	timan			Bukul,
7			jit'ok				kax
1			b'ojok,				
3	to sew		kuuxi	tz'is			
8			nk				
1							
3	to		ajlank	pas		tzun	
9	count			kwent	xook	?	
				a		Tz'a	tzac
						c	
1							
4	to say	cha	yehok	7al		a'al	
0							
1		b'itza					
4	to sing	'm,	b'icha	k'evuh			
1		b'itzc	nk	in		k'aay	
		hil,					
		b'ixo					

nik

1 4 2	to play		b'atz' unk	tahin		baax al		baxal	
1 4 3	to float		pama mnak	kahi				taahal	
1 4 4	to flow		yo i roq					thohol	
1 4 5	to freeze		keho'k						
1 4 6	swell		siip(il al), teb'ela l	situbel					
1 4 7	sun	qij'	saq'e	k'ak'al	q'ij	k'iin	k'in	kin	k'in (ЧРТ), quin (quin)
1 4 8	moon	ik'	po	7u	xjaa w	uh		u	
1 4 9	star	ch'um il	chahi m	k'anal	che' w	éek		ek	
1 5 0	water	ja'	ha'	vo', 7a'al	a'	ha'	ja	aal, al, chulub, haa	
1 5 1	to rain	jab'	hab'	vo7	jb'aa l	ha'		haa, chulub, chaac, chac	chaah k (ЧЛТ)
1 5 2	river	ja'l	nima'	7uk'u m	nim a'			yoc haa,	

1									
5	lake	cho	palaw	nab		ha'		cho	
3									
1	sea								
5	(as in	palo	palaw	nab					kaknab
4	ocean)								
1	salt	atz'a	atz'am	7atz'a	á'tz'	tab			hezem,
5		m		m	a				kez,
5									taab
1	stone	ab'äj,	pek	ton	xaq	tuun			tun,
5		xäq							tunich
6									
1	sand	sanay	samah	yi'					zuuz
5		eb'	i'						
7									
1	dust	poq	poqs	pukuk,	7ik'ub	quq			pucup,
5				al					tanat
8									
1	earth	ulew	ch'och	balami	tx'ot	luum		ulew	cab,
5	(as in		'	l	x'				cab'
9	soil)								
1	cloud	sutz'	choq	tok	muuj			sutz'	muyal,
6									nocoy,
0									muyal (ЧЛТ)
1	fog	mayul	sujew	lumal		yeeb			yeeb,
6				tok					uizil ha
1									
1	sky	kaj	choxa,	vinahe	kya'j	ka'an			caan, can
6			choxa	l					
2			al						
1	wind	käq'i	iq'	7ik'	chq'i	íik			ik
6	(as in	q', iq'			q'				
3	breeze)								
1	snow	muqu	xchu'i	bot					
6		lik	keh						
4		sutz'							
1	ice	abäj	ke	taiv					bat
6									

5		tew							
1									
6	smoke	sib'el	sib'	ch'ail	sib'			buo,	
6								thubub	
1									
6	fire	q'aq'	xam	k'ok'	q'a'q	k'aak	k'ak'	kak,	k'a(h)
7								kaak	k' (чрт.)
1									
6	ash	chaj,	cha	tan	tza'j			taan	
8		xaq							
1									
6	to burn	k'atik	k'at,						
9	(intransitive)	, polik, qalajik	choqle nk, humuk	chik', k'ak'	pátn			tooc	
1									
7	road	b'e	b'e	be	b'e	beh		be	bi-hi, bihir (чрт)
0									
1									
7	mountain	juyub'	tzuul	vitz	witz		Juyub'	uitz,	
1								cecebe	
1									
7	red	kaq(a)	kaq	tzoh, chak-	kyaq	chak	chak	chac	Chak (чрт.)
2)							
1									
7	green	rax(a)	rax	yosh	cha' x	ya'ax	raxa	yax	yax (члт.)
3									
1									
7	yellow	q'an(a)	q'an	k'on	sak q'ent	k'an		kan	k'an (чрт.)
4)							
1									
7	white	saqi	saq	sak	sak	sak	sak	zac	sak (члт.)
5									
1									
7	black	q'eq(a)	q'eq	7ik'	q'eq'	boox		ek, eek	Ik (чрт.)
6)							

1 7 7	<u>night</u>	aq'ab' al, chaq' äb'	q'ojyin	7ak'ub al, 7ik'7o sil	qoní ya	aak'a b		akab	ahk- ab (чрт.)
1 7 8	<u>day</u> (daytime)	q'ij	kutank	k'ak'a l, 7osil	q'ijl	k'iin	q'i	kin	k'iin (чрт.)
1 7 9	<u>year</u>	junab'	hab'	habil	jnab' q'í, tyem	ja'ab		haab	
1 8 0	<u>warm</u> (as in weather)	qa'q'	tiq	k'ok'	mét maj			ppuppuc	
1 8 1	<u>cold</u> (as in weather)	tew	ke	sik	che' w	keel		ceel	
1 8 2	<u>full</u>	nojinä q	nujena q	noh	noj			balan, chokol	
1 8 3	<u>new</u>	k'ak'	ak'	7ach'	ák'aj	tuum ben		yax, tumul	
1 8 4	<u>old</u>	q'e'l	q'eel	k'a7	q'án ak, tij			yih, lab	
1 8 5	<u>good</u>	utz	us	7utz, lek	b'a'n	uts	utz	utz	cici, cich, taleb, tibil, utsi члт. uts
1 8 6	<u>bad</u>	itzel, ma utz täj	lab'	chopol	k'a'	k'as	lob		kaz, lob
1 8	<u>rotten</u> (as, a log)		q'aane q	k'a7al, k'o7					čhonac, lab

7

						ah cabnal,
1 8 8	<u>dirty</u>	b'alak' , pes	7ik'	eek		tzuutzuu p, chachapc i, chap
1 8 9	<u>straight</u>	tiik	tuk'			kak, kakach, tao, toh
1 9 0	<u>round</u>	kotko, sursu	setset			kom, uouoloc
1 9 1	<u>sharp</u> (as a knife)	q'es				e, oop
1 9 2	<u>dull</u> (as a knife)	room (Spani sh)				
1 9 3	<u>smooth</u>	q'un, ji'ji'	ch'ulu l, lich'ic h'			yapacnac
1 9 4	<u>wet</u>	ch'aqal lik	t'aqt'a q, tz'uuq	t'ushul		oom, sucmano uc, chul
1 9 5	<u>dry</u> (adjectiv e)	chaqi' j	chaqi	takin		bobohci, zooh, oouuluc, ticin
1 9 6	<u>right</u> (correct)	q'axal chaab' il	melel			
1 9	<u>near</u>	naqaj nach',	nopol	naká	naats	hal

7			rik'in		, nka		
1							
9	far	naj	nach'	nom	naqc h	naac h	nach
8							
1							
9	right	wikia	sa'	batz'i			noh,
9	(side)	q'ab	nim	k'obol			toh,
2							
0	left	moxq'	tz'e	tz'et			oiic
0	(side)	ab					
2							
0	at	pa		ta		ti'	
1							
2							
0	in	pa	sa'	k'al		ich	
2							
2	with		rik'in	chi7uk		tu	yicinal,
0	(accomp	ruk'		, tohol		yeete	icinal
3	anying)					l	
2							
0	and	xupuj	ut	7i			yetel.
4		e'					ix
2							
0	if		si'	mi	ka	wa	ih,
5			(Spani sh)				na
2							
0	because		xb'aan	k'u ti		tume	abla,
6	e		naq			n	oklal
2							
0	name	b'i'	k'ab'a'	biil	b'i	k'aab	kaba,
7			ej			a'	
							b'i

Прил. 14

Словарь календарных лексем составленный нами по словарю старого языка (Кнорозов 1961).

ас, аас II, *суц.* 1) черепаха; 2) Близнецы ((Ас I - пекари) III — названия трав, муравьев, клещей, карлик)

- Ас *bon* юбка с узором
- Ас *ek* = *ak* (II)
- Ас *hithbil por* – циновка с узором

ас IV, *суц.* 1) осушенное болото; 2) участок

асап I – 1) дядя по матери; 2) муж сестры отца

асап II, *суц.* Вино

асап III, 1) стон; 2) рев, рычание, фыркание (*животных*); 3) воркование (*голубей*); 4) шум (*ползущей змеи*); 5) вой (*ветра*); 6) Свист, жужжание (*летающей стрелы или камня*);

7) 2. VI, *гл* 1) стонать; 2) быть уставшим; 3) реветь; 4) ворковать; 5) шуметь, свистеть, жужжать

- асап *chak* 1) гром; 2) шум бури

асаап, асап IV 1. *суц.* 1) стоячая вода; 2) спокойное море; 2. прич. 1) устойчивый, прочный, неподвижный; 2) спокойный; 3) установленный

аh, *суц.* 1) стебель, палка; 2) тростник

аh ас

- аh *ak pek* – карлик

- аh *ak uinik* = аh *ak pek*

аh *abzac* 1) тот кто бдит; встающий на рассвете 2) утренняя звезда (*планета Венера*)

аh *kin суц.* жрец

аh *kinyah суц.* колдун (*бросающий жребий*)

аh *koh суц.* маскированный

аh *koh keuel* колдун (*одетый в шкуру пумы*)

аh *roou I суц.* подросток (10-12 лет)

аh *roou II суц.* Млечный Путь

аh *ua*

аh *ua be* путник

аh *nasunah суц.* 1) проводник, провожатый; 2) избиратель

ah uah *сущ.* кбманщик, мошенник
 ah uau, ah uаау *сущ.* колдун, заклинатель
 ah uau chak заклинатель дождя
 ah uааu chatak колдун, превращающийся в лисицу
 ah uau miz название животного (*семейство кошачих (Gato Montes лат.)*)
 ah uan
 ah uan chas гигант
 ah uanba посол
 ah uatan руководитель, начальник
 ah xincab путник, пешеход
 ahal *гл.* 1) просыпаться, вставать; 2) подниматься (*ветру*)
 ahal sab 1) светать, рассветать; 2) быть миру сотворенным
 ahau I *сущ.* владыка, государь
 ahau can I 1) гремучая змея; 2) мифическая змея
 ahau can II титул верховного жреца
 ahau canul = ahau can II
 ahau II = ah au (*горбун*)
 ahauinah *гл.* V делать владыкой, иметь владыкой
 ahaulil 1. *сущ.* правление, владычество; 2. *гл.* III править
 ahaulil ma дворец
 ahci
 ahci sab 1) с рассвета, с начала мира 2) естественно, свойственно
 ahci-hab-hal *гл.* II быть свойственным
 anzabal *гл.* *пасс.* быть разбуженным
 anzah *гл.* VII 1) будить; 2) начинать
 anzah sab 1) утренняя звезда (*Венера*);
 2) рассветать; 3) петь птицам перед рассветом; 4) наставлять,
 отчитывать
 ah-sam-baalba-tah *гл.* VI делать наследником
 ahlahal
 ahlahal ik подниматься сильному ветру
 ak I *сущ.* лиана
 ak II *сущ.* 1) язык (человека, животного); 2) язык (пламени)
 ak III *прил.* 1) свежий; «) мягкий, сочный
 ak сау свежая рыба
 ak za atol (*жидкая каша из кукурузы*)
 ak yaabil сезон дождей
 ak yaabil ik ветер несущий дождь
 alinah *гл.* V 1) рожать 2) класть яйца 3) производить (о земле)
 amba *сущ.* шум, гром
 amba chak удар грома
 be I *сущ.* 1) дорога 2) грязь

be tun мощеная дорога
 bee, be II *межд. предостережения*
 beanil *сущ.* порядок
 buul, bul I *сущ.* фасоль, Phaseolus Vulgaris
 buul II *сущ.* мускул
 bul III
 bul akab вся ночь
 bul ikal буря, ураган
 bul kabal потоп
 bul IV *гл.* играть в шашки
 calam *сущ.* змея Microgus fulvius fulvius
 calan *прич.* пьяный
 can I *сущ.* змея
 caan, can II *сущ.* небо
 caan che настил навес
 can III *сущ.* рассказ, речь
 can IV *сущ.* дар
 can V 1. *прил.* сильный 2. *нареч.* сильно
 can IV *числ.* четыре
 can hel эмблема власти, скипетр caan IV *гл.* охранять
 sancanas *прил.* 1) вспухший, раздутый 2) разорванный
 sancansi *прил.* твердый, жесткий (о глине, камне)
 canmal *гл.* III затвердевать
 canul (=ah canul) *сущ.* страж, охраняющий
 cilba I *гл.* возвр. дрожать, трястись
 cilba II *сущ.* удар грома
 cilich *прил.* святой
 cup *прил.* спокойный, тихий
 cup ik утихать ветру
 za I *сущ.* атоль (жидкая каша из кукурузы)
 заа II *сущ.* опухоль
 зас *прил.* 1) белый 2) ненастоящий, искусственный

 зас асаб заря
 зас al пасынок, падчерица
 зас basal nal початок без зерен
 зас be мощеная дорога
 зас bul ich буря, шторм
 зас simil обморок
 зас chalen - ясный, светлый
 зас cheeh улыбка
 зас chicen седой

zac hee белок (яйца)
 zac halal тростник
 zaz I 1. сущ. свет 2. прил. ясный
 zaz II 1. сущ. известь 2. гл. V белить
 zazac прил. блестящий, белый
 zazhal гл. II проясняться, осветиться
 zazlem гл. VI починять, строить
 za(с наоборот) гл. V удлинять, растягивать, вытягивать
 zah I сущ. страх
 zah II = zac
 zah sab известь
 zay I сущ. тростник
 zayab сущ. источник
 zakab сущ. стебель кукурузы
 zian сущ. колдовство
 u zian ko богослужение
 ziian II сущ. 1) время рождения 2) род, происхождение
 ziaan can предание
 zum, zuum сущ. веревка, канат
 tza 1. сущ. ссора 2. гл. V ссориться
 tza ya simil время несчастий
 tzab сущ. 1) погремущка гремучей змеи
 2) название созвездия
 tzab can гремучая змея, *Crotalus terrificus durissus*
 tzabaal
 tzabal haa идти мелкому дождю
 tzic 1. сущ. почитание, вера 2. гл. почитать, уважать
 tzicben прил. уважаемый
 tzicbenil сущ. достоинство, величество
 tzitzbezah VII гл. выливать (из сосуда)
 tzitzil haa прекращаться дождю
 tzih сущ. запах мочи
 tzil гл. рвать, вырывать, раздирать
 tzimez сущ. сороконожка
 tzimin сущ. тапир, *Tapirella dowii*
 tzotz сущ. волосы шерсть.
 tzotz tun дерево, цветущее, но не дающее плодов
 tzotzim
 tzotzim pek короткошерстная собака
 tzoу сущ. имущество, ценности
 tzol 1. гл. V 1) упорядочивать 2) перечислять, объяснять 2. нареч. по порядку tzolan
 сущ. перечисление

эа I сущ. польза
 эа II гл. V 1) давать класть 2) соглашаться 3) полагать 4) приносить пользу zabilah гл.
 V жертвовать, давать
 zabilhal гл. II случаться
 эас I сущ. 1) лекарство, лечение 2) яд
 эас II сущ. степень родства
 эас III гл. V лечить
 эасabhal гл. II происходить, быть родом
 эасal I сущ. кусок веревки
 эасal chuу сшивать
 эасal II увеличиваться, прибавляться
 эаhal II гл. случаться, требовать
 эау сущ. клык
 эal гл. V прижимать (рукой)
 эalab сущ. печать
 эam, эaam сущ. трон
 эamal гл. I быть мокрым
 эamcabtah гл. VI погрузить в воду
 эam-cab-tah гл. VI 1) нападать 2) приступить к чему-либо
 эanal I гл. I падать (о плодах, листьях)
 эanal II гл. I соединяться, нагромождаться
 эiic сущ. I 1. левая рука 2. прил. левый
 эic II гл. V 1. брить, подстригать
 эic tuуal проясняться(о погоде)
 чаа, са I гл. V ослаблять (веревку)
 ча II гл. V помогать
 chabil прил. 1) вместительный, достаточный 2) полезный
 chabihal гл. II быть достаточным
 чаас, час I сущ. название растения *Miranta Arudinocea*
 чаас, час II сущ. дождь
 час III гл. V варить
 час IV 1. прил. 1) красный 2) большой 2. нареч. много, очень
 час bul ik буря
 час ек планета Венера
 час bolay ягуар (*Tiger bermeo y bravo. Mom.*)
 час choch сорт кукурузы
 chak haal многодневный дождь
 chak ik болото, трясина
 chak mol ягуар
 chacal I прил. 1) большой, сильный 2) красный
 chacal haa ливень
 chakal буря, ураган

chacil прил. важный, тяжелый
 chactun uiih сильный голод
 chimal щит
 chimal ек (Малая Медведица)
 chukulte сущ. пленник
 chuh гл. жечь
 chuhancil гл III приносить жертву
 chul
 chul haa струя воды
 chul tun водоем
 ch-ak рубить, резать
 ch-ak ben гл. VI рубить лес, расчищать участок
 ch-acben col расчищенный участок
 ch-ul прил. сырой, мокрый
 chulub сущ. дождь
 ек II сущ. звезда
 ек, eek прил. черный
 h-abah (h-auah?)
 habah саан смотреть на небо
 h-aban (h-auan?)
 haban be широкая тропа
 h-e мест. этот, тот
 h-ec, heec сущ. початок (на стебле)
 h-elep гл. III менять (обычаи, перья)
 h-elep u новолуние
 h-iо I сущ. конец, последний день (месяца, года)
 h-iо II чрезмерный, излишний
 h-ichunah гл. V 1) зачать 2) носить на поясе
 h-o числ. пять
 h-och I гл. V 1) опорожнять 2) собирать (кукурузу)
 h-um сущ. шум, жужжание
 h-um chaac гром
 h-umnal гл. III быть шумным
 h-un 1. числ. один 2. прил. общий, всеобщий
 h-un bak 1) четыреста 2) вместе
 h-un bal веревка
 h-un balan u новолуние
 h-un bel ежедневно
 h-un chilac зернохранилище
 h-un yesil потоп
 h-un yuk общий, всеобщий
 h-un yul плоский

h-un kal двадцать
 h-un kul бесконечный, вечный
 h-unab прил. 1) единственный 2) одинокий
 h-unac нареч. много, бесконечно
 haа сущ. 1) вода 2) дождь
 haab сущ. год
 haahal hahal гл. II идти дождю
 haу, haау гл. V разрушать, разорять
 haау саbіl катастрофа, потоп
 haау сіmіl общая гибель
 hayal 1. сущ. боязнь, страх 2. прил. враждебный, вредный
 уііh прил. 1) спелый (плод) 2) старый, твердый
 uііh и полнолуние
 uіhhal гл. II созреть
 itz сущ. 1) роса; 2) жидкость (молоко, слезы, пот, смола)
 itz саan небесная роса
 іch I 1. сущ. плод 2. гл. V приносить плоды
 іchіch сущ. близнецы
 іk сущ. 1) ветер 2) дыхание 3) дух
 іkal I сущ. ветер
 іpіl сущ. женская одежда (нах. guaupilli)
 іxіm сущ. кукуруза Zea mais
 kaan I сущ. 1) веревка; 2) сеть (охотника, рыболова)
 kaan II сущ. мекате (мера площади)
 kaan III сущ. обычное занятие
 kan che 1) сиденье, скамья; 2) должность, обязанность
 kan IV 1) ценная раковина 2) драгоценный камень (нефрит)
 kaatal гл. I перекрещиваться
 kaatal kіn восходить солнцу
 katun I сущ. 1) войско 2) воин
 katun II сущ. двадцатилетие
 kaах, kaх I сущ. лес
 kaхal гл. I приходить, наступать
 kaхal haа идти дождю
 kіkel сущ. 1) кровь; 2) семя
 kіn I 1. сущ. 1) солнце 2) время 3) день 4) праздник 2. гл. VI нагревать
 kіn II сущ. новость
 kіnam нареч. во время чего либо
 kіnam сущ. яд
 kіnam III сущ. 1) страх, уважение 2) сила, крепость (огня, солнца, вина)
 kіnancіl гл. III править, властвовать, распоряжаться
 kіnіcпac прич. 1) своевременный; 2) изобильный

kinil гл. I 1. править, споряжаться; 2. процветать

kintun сущ. засуха

kintun yaabil сезон засухи

ku I сущ. гнездо (птицы)

ku II сущ. бог

kuyan святой, посвященный

kuurahal

kuurahal kin склоняться солнцу

kuk I сущ. побег, отпрыск

kuk II сущ. кецаль

kuku

kuku uinuc жрец

kukum перо

kulem прил. святой

kuul III 1. прил. священный 2. гл. VI обожать

kum, kuum I. сущ. тыква Cucubrita moschiata

kuum II. 1. сущ. вареная кукуруза 2. гл. VI варить кукурузу

lah II 1. сущ. конец 2. мест. весь, все

lah oczah время посева

lahsa числ. двенадцать

lahsunah помещать в порядке

lahun числ. десять

noh I 1. сущ. правая рука; 2. прил. правый

noh II прил. большой

noh со свекровь

noh ek планета Венера

ol I сущ. стебель, побег, росток

ol II сущ. шарик (для сербатана)

ol III сущ. ямка

ol IV сущ. 1) сердце; 2) дух, воля; 3) намерение

ol V

ol na сущ. дверь

ool, ol нареч. почти, едва

oolac прил. нежный как росток

olah 1. сущ. воля 2. гл. VI желать

oloch сущ. жареная тыква

olom сущ. 1) кровь; 2) внутренности

pec I гл. III 1) двигаться, меняться; 2) шуметь, звучать

pec chac гром

pectzil сущ. молва, слух, слава

ppoc сущ. головной убор

ppok-zaz-hal гл. II появляться початкам
 tab, taab II сущ. веревка
 u tab chulul тетива лука
 u tab kin лучи солнца
 tab III сущ. двадцать
 tab IV нареч. откуда, куда, где
 tab III мест. когда, какой (о времени)
 taz 1. сущ. 1) простыня, подстилка; 2) слой 2. гл. V расстилать, растягивать
 taz saan слой неба, небесная сфера
 taz uay тюфяк
 tazcunah гл. V подшивать подкладку
 tazuntaz прил. идущий один за другим
 tam прил. глубокий
 tam akab глубокая ночь
 tam akaz I сущ. судорога, оцепенение
 tam akaz II сущ. Млечный Путь
 tamay-chii-tah гл. V бормотать; предвещать
 taman сущ. хлопчатник, *Gossypium Barbadense*
 tamantzil сущ. множество
 tamuk нареч. тем временем, во время
 u I сущ. 1) луна 2) месяц (30-дневный)
 u kaan ожерелье из камешков
 uuc числ. семь
 uch нареч. давно, в древности
 uchaу прил. другой
 хатап сущ. 1) север; 2) северный ветер; 3) Полярная звезда
 хатап саап северный ветер
 хатап chac дождь с севера
 хатап ек Полярная звезда
 хатапач сущ. древний
 хатапач сап древний житель
 хел I сущ. 1) кусок, часть; 2) половина
 хел u ka kin полтора дня
 хел II гл. V разделить, разорвать
 хетг гл. V рвать, раздирать, разбивать на куски
 хел-ол-тег гл. VI выравнять из сердца
 хех сущ. семя,
 хиб сущ. мужчина, самец
 хиб II
 хиб luum бесплодная (истощенная) земля
 хибалба сущ. демон, злой дух
 хибгал гл. II истощаться (о земле)

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina _____ Mark Lütter _____
(*autori nimi*)

(sünnikuupäev: 19.01.1981)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ СЕМАНТИКА БАЗОВЫХ ЛЕКСЕМ
ЯЗЫКОВ МАЙЯ-КИЧЕ ДОКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА (НА
МАТЕРИАЛЕ «ДРЕЗДЕНСКОГО КОДЕКСА И «ПОПОЛЬ-ВУХА»)

<Eelkoloniaalse perioodi maia-kitšee keelte baaslekseemide ajalis-ruumiline
semantika („Dresdeni koodeksi“ ja „Popol Vuhi“ analüüsi põhjal)>

(*lõputöö pealkiri*)

mille juhendaja on _____ Irina Avramets _____,

(*juhendaja nimi*)

- 1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;
 - 1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks Tartu Ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'is kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.
2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
 3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, ___25.05.2015___(*kuupäev*)

